Операция: «Украсть душу»

Автор:
Вера Окишева

Операция: «Украсть душу»

Вера Павловна Окишева

Ольга Вадимовна Гусейнова

Когда собираешься лететь на отдых в другую страну, конечно же не думаешь, что приятное путешествие неожиданно вырастет до приключения космических масштабов. В общем, что-то пошло не так…

И вот огромный корабль пришельцев уже уносит тебя в глубины галактики, нарушая привычные пространство и время. Теперь главная задача – выжить! Но что же делать, если ты обычная девушка с Земли без военной и даже спортивной подготовки?

Правильно, полагаться на женскую интуицию и раскрывать внутренние способности! Ведь говорят, что главная здесь – Душа! А уж душа, которая умеет любить, способна на чудеса! Так где наша не пропадала?!

Ольга Гусейнова и Вера Окишева

Операция: «Украсть душу»

Каждый человек, наверное, должен совершить отпущенные ему ошибки хотя бы для того, чтобы просто стать другим. Страшно ведь оставаться все время неизменным. А человек может меняться, лишь совершая ошибки. Но было бы здорово вернуться, чтобы снова почувствовать радость первооткрывателя, который не знает еще, что готовит ему новый мир. И потому имеет право

надеяться и воображать, что новый мир ему готовит что-то волнующее и увлекательное.

Максим Котин «И ботаники делают бизнес»

Глава 1

Полет в неизвестность

Опять это началось – плохое предчувствие давило на виски.

– Сегодня странное небо, ты не находишь? – пробормотала я, стоя в очереди на посадку и напряженно всматриваясь в панорамное окно.

Не нравилось мне то, что за ним происходило. Пока ехали в аэропорт, ярко светило утреннее солнце, но буквально за час небо стало мрачным, набежали облака, тяжелые, фиолетово-серые, пугающие. Еще и птицы, которых можно встретить в любом аэропорту мира, встревоженно чирикали под потолком, привлекая внимание.

– Ириш, мы летим на «Боинге-777», твоя суеверная душенька должна быть довольна, прямо со всех сторон под защитой высших сил, – тихонько возразила Ульяна, окинув меня мягким насмешливым взглядом.

Я криво скептически ухмыльнулась и огляделась. По-видимому, тревожное поведение пернатых привлекло лишь мое внимание. И больше никто не испытывал это пугающее и с каждой минутой все более давящее на нервы чувство, возникающее у меня с приближением грозы. Может, я опять себя накрутила перед полетом? Не выдержав ироничного взгляда лучшей подруги, я хмыкнула, отгоняя собственные дурацкие страхи.

С Улькой мы дружили со школы, несколько лет сидели за одной партой, потом и университет окончили один, только разным специальностям учились. Плюс живем рядом, просто в разных подъездах. Еще и обе до сих пор с родителями. Стыдно сказать, в наши двадцать пять лет.

Невольно бросив взгляд в окно, за которым начал разбег очередной самолет, я поморщилась и, передернув плечами, призналась:

– Мою душеньку уже ничего не успокоит, ненавижу летать!

– Ничего, потерпишь! Всего каких-то одиннадцать часов перелета – и мы в Майями. Карина нас встретит, разместит, а потом – солнышко, море, отдых и покой…

Уверенно обещая радости предстоящего отдыха, Уля рассеянно обернулась. На миг ее большие, как у олененка, карие глаза широко распахнулись, даже рот чуточку приоткрылся в немом восхищении, затем золотистую кожу высоких округлых скул залил румянец смущения. Подруга поспешно отвернулась, вызвав у меня жгучее любопытство: кто же ее так восхитил и смутил? Отдав посадочный талон служащей аэропорта, я подождала мгновение, пока его сканировали, шагнула дальше и словно невзначай оглянулась.

А, ну все понятно! Я даже улыбнулась про себя, прекрасно понимая состояние подруги. Уля у меня красотка, на которую часто заглядывались мужчины. Пусть лето, но из-за раннего вылета она надела тонкие голубые джинсы-бананы и белый свитер-оверсайз крупной вязки. Свободно сидящая одежда только подчеркивала ее стройную фигурку, а широкий ворот свитера свисал с одного плеча, оголяя его. У Ульяны овальное личико с пухлыми губами, большие карие, чуть раскосые глаза и натурального шоколадного цвета волосы, коротко стриженые, с длинной челкой.

И вот рядом с этой «нежной ланью» возвышался высокий брюнет чуть старше тридцати, с короткой стрижкой, в белой футболке и легком бежевом костюме. Светлая одежда эффектно подчеркивала его загорелую кожу, темные волосы и черные глаза. И пока Ульянка с протянутой рукой ждала обратно отрывной талон, этот очень даже видный мужчина оценивающе рассматривал ее, с прямо-таки багровеющими в кои-то веки от смущения щеками и ушками.

Мое любопытство, кстати, тоже не осталось незамеченным: брюнет едва заметно мне улыбнулся, отчего я резко отвернулась, тоже смутившись. Так и стояла, ощущая, как и у самой загорелись щеки. Ожидая, когда Уле позволят пройти дальше, уперлась взглядом в экран телевизора на стене. Последний час глючил интернет, по экранам, транслирующим новости и рекламу, бежали серые

полосы, да и компьютеры сбоили, персоналу аэропорта приходилось по несколько раз проводить талонами по считывающим устройствам.

Сама-то я к таким выкрутасам техники привыкла – с детства не дружу с электроникой. Но сегодня точно не моя высокостатичная персона была тому причиной. Взгляд невольно вновь метнулся к окну, к темным облакам, которые, казалось, опустились еще ниже. Вот-вот ливень начнется. Я засомневалась: разрешат ли нам вылет? Не удивлюсь, если поездка сорвется. И тут же дала о себе знать тайно лелеемая в душе надежда на подобный исход. Потому что плохое предчувствие не отпускало, как я ни старалась его игнорировать.

Наконец, получив свой талон, подруга шагнула ко мне, схватила за локоть, потянула за собой и, набирая скорость, буркнула:

– Чего стоим, кого ждем?

– Не бойся, без нас не улетит, – хмыкнула я, догадываясь от кого мы так спешим уйти.

– Лучше я подожду самолет, чем он не подождет меня, – проворчала она любимую пословицу своей бабушки Розы на все случаи жизни.

На посадку мы шли молча, смотрели на веселых девчонок впереди. Те без умолку хохотали, щебетали, делали селфи на фоне боинга. Мне бы их оптимизм. Если бы не Ульяна, вообще бы никогда не летала! Поезда гораздо, гораздо безопаснее! Я откровенно боялась, что из-за своей особенности все испорчу.

Автомобиль у меня самый простенький, с минимумом электроники, и то ломается на раз-два. Часы ношу исключительно механические, даже телефонами пользуюсь старыми, кнопочными, которые не жалко выкинуть хоть через неделю, если у них «мозги» опять перегорят от общения с такой нестандартной женщиной, как я. А тут – целый самолет! Но Ульяна сказала не льстить себе – огромный боинг мне не осилить. Ну что сказать, дай бог, чтобы она оказалась права.

– Впечатляющие размеры! – оценила подруга салон самолета.

Миновав просторный бизнес-класс, отделенный серой панелью от простых смертных, мы сразу оказались у нужного нам восьмого ряда класса Комфорт. Ну да, так и есть – нечто среднее между ухудшенным «бизнесом» и улучшенным «экономом». К сожалению, билеты мы взяли в последний момент, все свободные парные места у окон были заняты. Остались в четырехместном ряду по центру, поэтому весь двенадцатичасовой перелет будем в «клещах» неизвестных соседей. Ну и ладно, в любом случае повезло – сидим рядышком.

Запихав ручную кладь в багажный отсек, мы плюхнулись в свои кресла и устало вытянули ноги в «увеличенное пространство». И тут же оторопело замерли, глядя, как симпатичный брюнет, вызвавший повышенный интерес у Ульянки, ставил в багажный отсек рядом с нашими сумками кейс. Мы обе дружно одобрили мускулистый торс этого мужчины, обтянутый белой футболкой, за что получили от него снисходительную, слегка насмешливую улыбку… пока он устраивался по правую руку от Ули, заняв место у прохода.

Подружка повернулась ко мне и, округлив глаза, мимикой показала, как «страдает» от такого соседства. Я же старалась не лыбиться, только губу закусила, представляя каким «дивным» у нас будет перелет. Все из-за того, что Ульяна, хоть и красивая девушка, но немного стеснительная и отчасти социофоб. Будучи высокооплачиваемым аналитиком, она, как многие айтишники, предпочитает «сеть» общению в реале. А у меня, наоборот, сплошной реал – ландшафтный дизайн.

Хотела поддержать ее, но не успела, мужской голос надо мной радостно известил:

– Оу, как мне повезло, такие девчонки симпатичные рядышком!

Вскинув головы, мы увидели еще одного красавчика – блондина не старше двадцати пяти, со светлыми бровями и яркими голубыми глазами. И, что примечательно, тоже в белой майке и легком голубом спортивно-деловом костюме, бывшем в тренде.

– Роман, – ослепительно улыбаясь, представился он, пока складывал свой багаж и открыто рассматривал нас.

Мы с подругой похожи, даже размер одежды одинаковый. Обе среднего роста, стройные, не до тощей хрупкости, но тонкокостные. При этом со всеми полагающимися округлостями. Только Ульянка немного восточного, «темного» типа, а я, наоборот, «светлого» – натуральная кудрявая голубоглазая блондинка с круглым лицом, прямым носом и игривыми ямочками на щеках, которые появлялись, стоило мне чуть-чуть улыбнуться.

Уля сегодня оделась в светлых тонах, я же выбрала черную комфортную водолазку с блестящим принтом на груди и белые свободные джинсы. В общем, выглядели мы, наверное, как две противоположности одной сущности.

Парень мне понравился своей открытой улыбкой и тем, как красиво пошел на контакт первым, без похабщины, что часто встречается у молодых и привлекательных.

– Ирина, – представила себя, а заодно и подругу, которая ни в жизнь не заговорит с незнакомцами сама: – Ульяна.

Роман глянул на нашего соседа справа, и мы дружно услышали его басовитый голос:

– Глеб.

Ну все, шах и мат! Ульку можно выносить! Это ее любимое мужское имя и тембр голоса! Вот это попадание, даже я оценила. Подруга, робко кусая губу, пыталась украдкой унять сбившееся дыхание.

– Надеюсь, полет пройдет удачно! – улыбнулся Роман, и я бы согласилась с ним, но его отвлек звонок телефона. – Алло, да, алло, плохо слышно.

Мы с Улей обменялись понятливыми улыбками: ну да, стоит мне начать нервничать – вокруг шалит электроника, глючит сотовая связь, интернет и прочее. Об этом знают только близкие, ведь неприятности мне не нужны. Так что Ульяна подбадривающе мне улыбнулась и пожала руку, чтобы не расстраивалась, успокоилась и снизила градус тревожности.

Чтобы отвлечься, я решила оглядеться. Салон быстро заполнялся народом. Шутка ли, почти пятьсот человек вмещает! Как обычно, образовалась толчея из-за нехватки мест на багажных полках, но опытные стюардессы ловко лавировали по рядам, рассовывали сумки и рассаживали людей, освобождая проход.

Нас с Улей тоже отвлекли родители. Мы отчитались, что уже на борту и вылет планируется без задержек. А дальше я отчаянно краснела, потому что мама, учитель биологии, села на своего любимого конька – начала громко давать советы бывалого туриста: куда мы строго-настрого не должны с Улей ходить, обязательно положить сотню долларов в лифчик на случай, если украдут кошелек, чтобы доехать до дому. И таких советов у мамы всегда была сотня-другая, поэтому я срочно завершила эти нотации привычным: «Я люблю тебя!»

Же-есть, как же неудобно! Робко скосила глаза на Романа, ставшего в проходе, болтавшего явно с кем-то из друзей или партнеров по бизнесу. А вот Глеб молчал, кому-то написал несколько сообщений и замер. Хотя я заметила, что он с едва заметной благодушной миной прислушивался к Улькиному щебетанию с родными: «Я тебя люблю, мамулечка, и скажи папулечке, что тоже люблю. И всем привет!»

Вскоре самолет начал разбег, вся подготовительная работа бортпроводников завершилась, капитан пообещал нам отличный полет, даже несмотря на приближающуюся грозу, которую мы обогнем. Попросил выключить электронные приборы. Дальше все в салоне затряслось, гул турбин рвал перепонки. И под мое колотящееся от страха сердце мы мягко, но ощутимо оторвались от земли и начались самые адовы ощущения – заложило уши.

К сожалению, иллюминатор от нас через три кресла и проход, но я прислушивалась к разговорам и уловила, как кто-то заговорил о жуткой темной туче.

– Боитесь летать? – участливо спросил меня Роман.

Я, натянуто улыбнувшись, кивнула. Нет-нет да и пыталась через приличное расстояние высмотреть в иллюминаторе, что там за бортом. Если это гроза, то почему нет молний? Страх пробирал до костей.

– Я раньше тоже боялся, а потом привык, – весело подмигнул мне Роман.

И вроде бы надо быть благодарной ему за поддержку и действительно тоже пора привыкнуть к перелетам, не впервой же, но, когда знаешь, что можешь стать причиной выхода из строя умной электроники… Сложно это все.

Спустя тридцать минут полета Уля, похлопав меня по руке, которой я судорожно сжала подлокотник, снисходительно заметила:

– Ну все, выдохни, уже взлетели, можно не…

В этот момент нас знатно тряхнуло, заставив Ульку резко испуганно замолчать. Потом снова и снова, будто мы в какие-то провалы или ямы ныряли. Капитан невозмутимо сообщил о турбулентности, неприятно тренькало световое табло, прося пристегнуться и не курить. А мне неожиданно подумалось, что закурить сейчас хотелось многим, потому что тряска не прекращалась ни на минуту.

Дальше начался форменный кошмар. Сначала сплошную серость в иллюминаторах с обеих сторон буквально затопил странный золотистый свет, который неестественно яркими лучами пронзил внутреннее пространство салона, вынуждая всех щуриться, заслоняться руками. Затем и вовсе огромный многотонный самолет мгновенно изменил положение – резко задрав нос, встал практически вертикально. Меня как магнитом прижало к креслу. Я не спец, но даже мне понятно, что при таком крене мы сейчас рухнем в пике. К тому же из-за дикого наклона по левому проходу под крики и писки вниз понеслась тележка с прессой, видимо, не закрепленная стюардессами. Сверху сыпались сумки и чемоданы, прямо на беспомощных людей. Раздались визги, крики, детский плач!

Вдруг мою ладонь с силой прижала к подлокотнику рука Романа. Он явно забылся от страха. Я с трудом освободилась и потерла занывшие пальцы. Капитан что-то громко и нервно вещал, пытаясь успокоить пассажиров, но каждый из нас понимал: случилось нечто экстраординарное. Что-то необъяснимое… непоправимое… Самолет сильно дернулся вверх, будто рыбину на крючок поймали и резко выдернули из воды, отчего нас мощно вдавило в кресла. Боинг, рванувший в небеса с огромной скоростью, сильно трясло, зубы у всех стучали, грозя стереться до основания.

Впереди кто-то тонко в ужасе закричал, следом я увидела, как вдоль прохода прямо на нас полетела стюардесса, ударяясь о ручки и боковины кресел, но не могла зацепиться ни за одно. Боже, она же убьется, либо покалечится. Неожиданно Глеб резко подался вбок и успел перехватить ее поперек туловища. Мы с Улькой тут же вцепились в бедняжку, помогая Глебу затащить ее на наш ряд целиком, чтобы не оставлять конечности торчащими в проходе, мало ли что там еще полетит. Роман рывком дернул стюардессу на себя, и мы облегченно выдохнули. Спасенная девушка, вся в кровоточащих ссадинах, лежала с закрытыми глазами, рвано дышала, на ее лбу наливалась синевой большущая шишка, глаз постепенно заплывал. «Кристина» – значилось имя на бейджике, а я думала, что все они Жанны. Глупая неуместная шутка неожиданно развеселила меня. Кажется, подступила истерика.

Глеб тоже пострадал, тихо шипел, поглаживая плечо. Уля тихо шепнула, что он мог его вывихнуть. Очень хотелось знать, что происходит, но тут сидящие у иллюминаторов заорали не своими голосами:

– В нас кто-то врезался?

– Тогда бы уже упали, а нас несет вверх…

– Может, вспышка на солнце?..

– Спутник упал и нас зацепил!..

– Нас НЛО похищают… на опыты…

Предположения звучали со всех сторон, самые нелепые и безумные, пока вдруг не замолчали двигатели. Все и разом! Голоса сразу стихли, каждый вслушивался в эту давящую на психику тишину, ставшую такой гулкой, будто мы в огромную пещеру попали, когда даже дыхание разносится эхом. Потом иллюминаторы разом покрылись льдом, в салоне стало холодно, вскоре и вовсе разлился лютый мороз.

– Что, мать вашу, происходит?! – заорали из бизнеса, приправив вопрос русским трехэтажным.

Снова крики, плач, у кого-то началась истерика, паника. У кого-то сердце не выдержало. По моей щеке скатилась слеза. Мы с Улькой молчали, но не из-за твердости духа, лично у меня просто ужасом горло свело. Обернувшись к ней, я неожиданно ощутила всплеск веселья: Глеб одной рукой держал ноги Кристины, второй – обнимал Улю. Его лицо было напряженным, хмурым, но, поймав мой взгляд, натянул улыбку и выдавил:

– Все будет хорошо, не паникуй!

Нас снова нещадно тряхнуло, окончательно перепугав. Неожиданно сверху прямо на нас что-то упало, как черт из табакерки. Рядом дернулся Рома и буквально оглушил меня криком. Я тоже вздрогнула, ощутив, как лица коснулась… тьфу-ты, желтая маска для дыхания. Кое-как придерживая лежащую практически полностью на мне Кристину, я надела маску и жадно вдохнула. Воздух был с неприятным привкусом. Я честно думала, что это последние секунды моей жизни. Зачем нацепила маску? Разве она спасет в подобной ситуации? Но все равно надсадно дышала, сочувствуя лежавшей поперек кресел и без сознания стюардессе, которой маски не досталось.

У Ульянки, больше всех придавленной Кристиной, тряслись руки, в отличие от Глеба с Романом, которым достались ее голова и ноги. Поэтому Глеб, быстро справившись со своей маской, помог надеть и Уле.

Я не могла совладать с нервами, слезы текли сами по себе, но быстро замерзали на щеках от мороза. Изо рта шел пар. Тело бессознательной стюардессы, хоть и давило, мешало, но немного согревало. Неужели мы все умрем? Какой шанс выжить при крушении самолета? С такой-то высоты? Нулевой, насколько я знаю. Бедные мои родители!

Впервые в жизни я по-настоящему взмолилась, не как перед экзаменом, а всей душой просила о спасении высшие силы, молилась под чей-то надсадный хрип, вой, скулеж, боль, отчаяние, безысходность, ужас. Молилась, чтобы не сойти с ума.

Лютый холод сменился не менее нестерпимым жаром и духотой, нас по-прежнему тащило куда-то высоко, очень высоко и довольно быстро, раз буквально расплющивало в кресле, и каждый глоток воздуха давался с огромным трудом. Еще и Кристина… Салон превратился в духовку. Тело,

казалось, плавилось, растекалось по креслу, маска грозила припаяться к лицу. Снаружи буквально полыхало, словно мы в самое пекло попали. Это длилось так долго, словно мы летели прямо к Солнцу!

Но вскоре нестерпимая жара вновь сменилась холодом. Именно тогда те пассажиры, что сидели у иллюминаторов, увидели открытый космос. Наверное, мы перестали чему-либо удивляться, тупо беспомощно ждали, чем все закончится. Хотя, уверена, многие задавались вопросом: как, как это возможно? Ведь пассажирский лайнер абсолютно не предназначен для подобных «подвигов», мы уже должны были задохнуться, изжариться или наоборот – замерзнуть на такой высоте. Видимо, ярко-золотистый свет, который не то тянул, не то сопровождал самолет в неведомые космические дали, защищал его от всего на свете вместе с несчастными пассажирами…

– Смотрите, какой-то неизвестный корабль! – по-бабьи визгливо воскликнул лысый мужик у ближайшего иллюминатора.

Ему вторили пассажиры на других языках.

– …такой огромный… – раздалось позади с надсадным хрипом.

– …пришельцы… – всхлипнула женщина.

– Тогда точно на опыты! – удовлетворенно припечатал кто-то.

– Похищенных после опытов возвращают на Землю, да? – это подросток поинтересовался у предыдущего комментатора.

Пока самолет затягивало в огромный зев откуда-то взявшегося космического корабля, тряска усилилась, многих рвало, мое состояние тоже было мерзопакостным! Зажмурившись, сцепившись ладошками, мы с Ульяной покорно ждали развязки.

Наконец послышался лязг металла, наш самолет принял горизонтальное положение. Кристину мы держали, чтобы она не свалилась в проход между креслами и перегородкой бизнес-класса. Теперь она передвинулась к нам на колени и дышать сразу стало легче.

Но это был не конец! Зря мы радовались. Следом пришла тьма! Салон резко погрузился в сумрак, который разбавляли полоски аварийного освещения и слабый свет из иллюминаторов. Похитивший нас с Земли небесный свет исчез! Вновь раздались вопли испуганных темнотой пассажиров…

Спустя несколько минут народ все-таки успокоился и зашевелился, раз больше ничего нового не происходило. Люди приникли к иллюминаторам, пытаясь выяснить, что там за бортом. Еще меня беспокоило состояние по-прежнему бесчувственной Кристины. Казалось, она совсем не подавала признаков жизни. Осторожно взяв ее руку, я попыталась нащупать пульс. Честно говоря, я бы и у себя его не нашла: у самой тряслись руки, шумело в голове, страх забивал все ощущения.

– Как она? – прохрипел Роман, обмениваясь со мной сконфуженным взглядом.

Да, проявлять слабость и орать явно не в его привычках.

– Пульс есть, слава богу! – облегченно всхлипнула я, наконец-то уловив тоненькую ниточку жизни раненой стюардессы.

Глеб мягко отстранил от себя Ульяну, отстегнул ремень, встал и направился вперед. Наверное, к командиру экипажа. Минут через десять, пока народ приходил в себя, он вернулся с двумя стюардами. Они перенесли Кристину в бизнес-класс и уложили на свободное разложенное кресло. Прошли по салону, выясняя сколько еще пострадавших.

Вокруг набирала силу новая волна истерики, слез и безумия. Похоже, похитивший нас «золотой луч» вырубил всю электронику самолета. Хорошо, что пассажиры догадались использовать телефоны для освещения. Я сжала виски, пульсирующие от боли, кожей ощущая окружающий негатив, словно выстреливающий в пространство электрическими разрядами. Боже, я так долго не выдержу…

Ульяна жалась сбоку, аромат ее парфюма помогал мне не терять нить с реальностью. Надо взять себя в руки хотя бы ради нее! А мысли наваливались одна на другую, одна невероятнее другой, создавали еще больший хаос в голове. Что, вообще, произошло? Неужели это и вправду пришельцы постарались? Ну кто еще может захватить самолет и угнать его в космос? Явно

не американцы! Это ведь не голливудский фильм!

От тягостных размышлений меня отвлекли посыпавшиеся отовсюду совершенно идиотские угрозы стюардам – люди обезумели. Рядом с нами Глеб встал спиной к иллюминатору так, чтобы охватить взглядом сразу бизнес-класс и эконом и грозно прогремел:

– Молча-ать! – Все затихли от неожиданности, и он продолжил спокойно и убедительно на русском и английском: – Самое страшное в нашем положении – это паника и хаос. – Пассажиры послушно замолчали и заняли свои места. – Среди нас есть медработники?

Таковых нашлось несколько человек разных профилей. Глеб четко отдавал им команды, так привычно, словно это была его повседневная работа:

– Пройдите по салону, окажите пострадавшим медицинскую помощь. Бортпроводники вам помогут, выдадут аптечки. Если у кого-то есть свои лекарства, поделитесь с нуждающимися. У нас много раненых…

– Мужик, а тебя кто главным назначал? – раздался злобный, развязный мужской голос из бизнес-класса.

Вскоре объявился и его обладатель: лысый, полноватый, заносчивый бугай. Кажется, это он матерился недавно, задавая сакраментальный вопрос: «Что происходит?»

Глеб повернулся к нему и уточнил вполне мирно и спокойно:

– У тебя есть идеи лучше?

Казалось, что разборки в стиле «пойдем выйдем» не избежать, слишком заносчивым и скандальным выглядел лысый пассажир. Но рядом с Глебом появился представительный брюнет в форме со знаками отличия пилота:

– Я назначил. Майкл Кроули, командир этого судна. Мистер… – он посмотрел на Глеба.

– Смирнов, Глеб Смирнов, – представился наш сосед. – Служил срочную в МЧС, занимался спасательными операциями. Сейчас руковожу этим направлением деятельности строительного холдинга.

Кажется, народ проняло. Компания американская, летный состав тоже из их числа, но, судя по недавним воплям и матам, среди пассажиров преобладали русскоговорящие. Да и у спасенной Глебом Кристины фамилия на бейдже «нашенская». У нас МЧС уважают, строителей побаиваются, по принципу: нашу продукцию знают – плачут, но берут.

– Что делать будем… на корабле у пришельцев? – сдался бугай.

– Может, нас какой-нибудь американский «Шаттл» или российский «Союз» спасет? – встрепенулся подросток, который надеялся после опытов вернуться на Землю. – Ну помните, как в фильмах про…

– Может быть, – мрачно перебил Кроули парнишку. – Кого пошлем сообщить наши координаты для эвакуации? Или морзянкой по трубе настучим?

– Фонариком посветим, – присоединился к дурацким шуткам Роман, наверное, пытался хоть так вернуть себе прежний апломб.

– Все? Шутки закончились? – сухо бросил Глеб.

– Минуточку внимания, господа! Мы проверили: воздух за бортом нормальный, – уведомил пассажиров второй пилот. Молодец, расторопный. – Дышать можно без проблем.

– Дайте кто-нибудь воды попить, – заплакала женщина, сидевшая ближе к хвосту.

Глеб окинул хмурым взглядом салон и предложил, хотя скорее приказал:

– Бортпроводники, необходимо раздать людям воду и оказать всю возможную помощь. Затем самые крепкие и смелые спустятся со мной на платформу чужого… инопланетного транспортного средства, где нас… приземлили. Выясним обстановку, дальше будем действовать по обстоятельствам. Женщинам

и детям настоятельно рекомендую оставаться на борту!

– А если там монстры? – пискнул кто-то на английском.

– Мы с Ирой идем с тобой! – вскочила со своего места Ульяна, метнулась к Глебу и вцепилась в его локоть.

Глеб удивленно глянул сначала на нее, потом на меня, всем телом подавшуюся к ним, но еще не оторвавшую зад от кресла, потому что боялась услышать «нет». Я преданно кивнула. Лучше рисковать рядом с тем, кто знает, что делать, чем сидеть и ждать смерти среди таких же паникеров, как и сама. Мистер Смирнов, спасатель и строитель, оценив нашу решимость следовать за ним хоть к черту на кулички, снисходительно мягко усмехнулся. Мне кажется, и Ульянку мою по макушке ласково потрепал совершенно неосознанно.

Глеб занялся, наверное, привычной ему работой: координацией действий бортпроводников и медиков, попутно назначая «самых крепких и смелых». Роман от такой должности, мотнув головой, отказался, вжавшись в кресло и стыдливо отвернувшись. В принципе, его можно понять: в наш прогрессивный век гламура и селфи, инструкций на все случаи жизни и специально обученных людей согласиться рисковать своей жизнью? Вопрос, конечно, интересный.

Дожидаться, когда стюарды и медики закончат с пострадавшими и раздадут воду, Глеб с капитаном Майклом Кроули не стали. Всего нас, «десантников-добровольцев», набралось с десяток. Когда с шипением открылась дверь, в лицо повеял прохладный воздух с примесью чего-то химического. Наша небольшая группа даже дышать перестала – помирать никому не хотелось.

Капитан выпустил надувной трап, один за другим мы съехали вниз, на рифленую поверхность. На минуту замерли, напряженно оглядывая пространство, ожидая хоть какого-то движения. Но тишина стояла оглушающая, если так можно выразиться, биением своего сердца. Еще и освещение было серое, тревожное, оставлявшее дальние углы в темноте.

– Похоже, здесь на электричестве экономят, – буркнул один из «десантников».

– А чего ты хотел? Софиты и красную дорожку? Может, еще и почетный караул с оркестром? – зло выдохнул другой.

Да уж, нервы у всех ни к черту. Мы с Улей в мужские разговоры не вступали, молча стояли за Глебом, держась за руки и напряженно озираясь.

– Вон, смотрите, еще один самолет! – воскликнул один из нас, указывая в сторону нашего боинга.

Мы дружно, кто наклонился, кто присел, чтобы увидеть позади нашего лайнера еще один – небольшой суперджет. К его иллюминаторам прижались несколько испуганных лиц. Надо думать, пассажиры второго судна, увидев нас, ожидали, что будет дальше.

А дальше – абсолютно пустой ангар… или отсек, если у нас не случился коллективный приступ безумия и мы действительно на громадном, неведомо откуда взявшемся космическом корабле. Размеры ангара потрясали воображение, ведь огромный боинг выглядел здесь птичкой в бескрайних небесах. Одинокой! Беззащитной! А мы сами – песчинками. Честно сказать, мне стало еще страшнее. Вокруг – тишина и никого. Но разве может быть такое высокотехнологичное сооружение, куда нас притащил «золотой луч», если не придираться, быть ничейным и безопасным? Ведь зачем-то мы здесь?

Наша сбившаяся в кучу группа, крутя головами, направилась к видневшейся впереди ближайшей арке, явно ведущей в туннель. Таких арок вокруг мы отметили много. Но дойти до нее не успели. Сначала показалось, что из арки хлынул черный поток воды, но потом оказалось – насекомые!..

– Мама!.. – в ужасе прохрипела Улька.

Заставив меня захлебнуться криком, Глеб развернул нас назад и буквально поволок за собой обратно к самолету. Мы спотыкались, но бежали за ним как привязанные. Жаль, по скользкому надувному трапу обратно влезть никто так и не смог. Те, кто успел добежать первыми, карабкаясь под испуганные вопли стюардесс, замерших в дверях, съезжали вниз. Из иллюминаторов на нас таращились остальные пассажиры. Паника набирала обороты.

Тот самый лысый бугай из бизнеса попытался закрыть дверь, у него с двумя стюардессами завязалась потасовка. Одну из них он выкинул на трап, и та, сбивая нас, скатилась до пола. Я держалась за веревочные поручни и с ужасом

наблюдала за медленно закрывавшимся люком. И в этот самый момент видела ужас в глазах подлого бугая, который понял, что опоздал, – нас накрыло волной насекомых! Они были разных размеров, большие и совершенно маленькие, со спичечный коробок.

Черные твари с множеством ног невообразимым потоком заливали все вокруг. Нашу «десантную» группу вместе со стюардессой они окружили и начали оттеснять от трапа, угрожающе вскидывая лапки, словно отталкивали, вынуждая пятиться. Еще и еще. Я не сразу сообразила, что нас не жрали, а настойчиво увлекали к тому самому тоннелю, откуда появилась эта орда. Вцепившись в Улину руку, я таращилась на черных монстров с кучей ног на округлом безголовом теле. Даже глаз не видно, только гладкий, словно полированный покров и множество лап, благодаря которым насекомые за секунду облепили самолет, забрались в салон и, к полному нашему изумлению, начали выдавливать людей наружу. Мертвых и живых! Совсем скоро в ангаре скопились все пассажиры, причем из обоих самолетов. Единой, тесно прижатой друг к другу массой, с ранеными на руках, на плечах, доведенной до крайности ужасом и неизвестностью, но живой! Пока живой!

А мертвые лежали сломанными куклами у надувного трапа – забытые и ненужные.

– Мне кажется, это роботы! – выдохнул Глеб, обменявшись тревожным взглядом с Кроули.

– И мне… – вглядываясь в насекомых, согласился капитан.

Вместе со всеми горе-пассажирами наблюдая за тем, как твари выносят из самолета все, что не было встроено или прикручено, – тележки с едой, водой, одеяла и подушки, чемоданы и сумки, газеты и журналы – я не верила глазам. Нервно хихикнула, когда увидела желтую маску, пояс и спасательный жилет для демонстраций пассажирам, вытащенный из самолета группой насекомых.

Когда оба судна опустели, пол под ногами задрожал. Мы с Ульяной, тихо взвизгнув, вцепились друг в друга мертвой хваткой, присели и испуганно таращились на спустившиеся с лязгом откуда-то сверху стальные «лапы». Обхватив сначала суперджет, потом и боинг, «лапы» потащили их к противоположной стене. Вскоре она медленно разъехалась, и под очередной

потрясенный всеобщий выдох мы увидели переливающуюся синюю пленку, за которой угадывались очертания Земли и Луны! И именно туда отправились, полетели самолеты! Прямо в бездну – в открытый космос!

Господи, за что… Если еще минуту назад у меня теплилась надежда на чудо, на спасение, то стоило вратам сомкнуться, внутри все умерло. Все, обратной дороги нет. Как и надежды на спасение, на возвращение домой, на Землю!

Глава 2

Лабиринт

Словно по щелчку пальцев, ангар поглотила мучительная, давящая на истрепанные нервы тишина. Меня колотило от ужасающей мысли, что кто-то незримый лишил пятьсот человек последней надежды на спасение, специально выкинув оба самолета в открытый космос. Наверняка, чтобы все мы осознали – это конец. Конец всему, что привычно, знакомо, значимо!

Чужие эмоции давили на меня, в буквальном смысле обстреливая со всех сторон, будто острые разряды. Приходилось терпеть, выдерживать не только свой страх, но и чужой. Ведь тишина царила лишь вокруг, а вот внутри, стоявшие рядом люди, сходили с ума от волнения. Я еле удерживала себя в сознании. Ненавижу свою особенность, мое проклятие! Порой я ощущала чужие эмоции как вибрации, как электрический ток, из-за которого мой мозг грозил «перегореть».

Мало кто задумывается, что человеческое тело – это, по сути, биокомпьютер, который работает на электричестве, создаваемом за счет пищи. Мне кажется, даже душа – это сгусток чистой энергии, иначе как бы она могла существовать вечность. Просто восприимчивость у каждого своя, различная. К примеру, у меня – избыточная. А Ульянке даже электромагнитные бури пофиг, везет же! Между нами ни разу не искрило, поэтому я привычно схватила ее за руку, не волнуясь о том, что ударю током.

Время шло, напряжение нарастало, но ничего экстраординарного больше не происходило. Окружившие нас то ли роботы, то ли такие вот инопланетные живые твари после отправки в свободный полет самолетов, словно это обычный мусор, неожиданно замерли, а затем с едва слышным шелестом сложили конечности и опустились плоским брюхом на пол. Теперь эти жуткие монстры походили на отполированные до блеска черные камни.

Прошла минута ожидания, твари больше не двигались, а любому страху наступает предел, когда уже плевать на все. Рядом с нами стоял такой же кудрявый, как и я, мужчина. Он первым решился сделать хоть что-то: медленно двинулся к этим «камням», присел рядом с тем, что помельче, наверняка намереваясь его потрогать.

Я закусила губу до боли, но не сводила глаз со смельчака, невольно заражаясь его любопытством, и вздрогнула от внезапно раздавшегося грозного шипения:

– Игорь, тебе что – больше всех надо? Куда ты опять лезешь?

Видимо, это его супруга переживала за него. Но кудрявый Игорь ткнул в черный полированный «камень» пальцем и тут же отдернул, потому что между ними сверкнула искра.

– Ты совсем идиот? Дома всю технику угробил, думаешь, и здесь выйдет? А если они из-за тебя сейчас, наоборот, оживут снова? – рыкнула паниковавшая дамочка.

– Я, конечно, очень статичный, но не настолько, чтобы оживлять технику, – нервно, но с веселой улыбкой ответил Игорь.

Как интересно! Рыбак рыбака видит издалека, как говорится. И увидела я «рыбака» с такой же неудобной способностью, как у меня. Очень странное совпадение. Всегда считала себя особенной.

– Уверены, что технику? – уточнил Глеб, внимательно наблюдая за действиями Игоря.

Хороший вопрос. Неужели эти насекомые все-таки роботы? А выглядели – как живые! Игорь уже без опаски чуть ли лицом на пол лег, рассматривая со всех сторон неопознанный живой-неживой объект, и комментировал:

– Свод холодный, слишком… Хм-м-м… Гладкий. На ногах при близком рассмотрении четкие специальные сочленения, чтобы в разные стороны загибались и фиксировались.

Постучав по панцирю, Игорь радостно, как-то по-детски нам улыбнулся:

– Не двигаются!

Чем успокоил большинство людей. Когда все поняли, что роботы не шевелятся, стали понемногу отходить от шока. Давление на мой мозг ослабло, я с едва слышным стоном выдохнула от облегчения.

Улька, глянув на меня с сочувствием, тихонечко шепнула:

– Видишь, Ир, ты не одна такая. Этот мужик тоже искрит.

– Да, но я не…

– Ты боялась, что мы упадем, а нас вон пришельцы украли. В общем, со всех сторон не угадала. Зря боялась.

Ответить подруге, которая в этой кошмарной ситуации пыталась отвлечь меня, не успела. Толпа дрогнула, в следующий момент в сторону сиротливо брошенных у трапа мертвых тел кинулись родные и близкие. Глеб кивком попросил нас с Улей остаться на месте и последовал за ними к жуткой неподвижной «свалке».

Вскоре под причитания и стенания близких выяснилось: восемь тел однозначно мертвые, а вот одно – живое, без сознания. Правда, на затылке у него внушительная шишка. Как констатировал пластический хирург Владислав Штольман, плохой признак, но главное – мужчина жив.

Потом был совет, мы с Улей слушали, как Глеб и другие мужчины советовались, что делать с погибшими. Это было сложное решение. В нынешних условиях ни похоронить, ни кремировать их невозможно, а носить с собой – глупость. Поэтому тела просто уложили рядком посреди ангара и накрыли лица тем, что под руки попалось.

Восемь мертвецов… Интуиция подсказывала, что это лишь начало!

Пока мы возились с погибшими, спасшиеся разбирали багаж, кто-то искал свой, кто-то копался в бесхозных чужих чемоданах в поисках теплой одежды. Это было понятно и, наверное, правильно: здесь холодно, словно веяло дыхание космоса… или смерти. Под присмотром капитанов обоих самолетов, Майкла Кроули – боинга и Дерека Сандерса – суперджета, собрали всю еду, воду и другие полезные вещи. Сначала все пассажиры от мала до велика жадно присосались к бутылкам с водой – бешеные перегрузки, жар и холод буквально иссушили людей. Мы с Ульянкой тоже сперва напились и Глебу передали бутылку, чтобы напился, затем помогали тем, кто горевал, потеряв родных.

Возможно, скоро мы все погибнем и будем завидовать тем, кого смерть забрала сразу. Но как оставаться безучастной к чужому горю? Я сочувственно гладила по плечу безутешную женщину, оплакивавшую своего мужа, осторожно подносила бутылку с водой к ее губам, говорила слова поддержки, слабо в них веря. Слушала громкие голоса Глеба и капитанов, отдававших команды. Одним из приказов устанавливался жесткий запрет на бесконтрольное потребление пищи и воды. Грустно вздохнула, понимая, что, видимо, еды собрали мало. Надолго нам не хватит. И это страшно. Страшно, что будет потом, когда она закончится.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я рассматривала колоритных пассажиров из суперджета. Судя по их внешнему виду и багажу, группу музыкантов. Наверное, какие-нибудь рокеры, очень уж специфически выглядели: длинноволосые, худощавые, некоторые с подведенными глазами, в кожаных штанах с заклепками, «расхристанных» рубахах, с цепями на груди. Вокруг них стояла куча чемоданов, чехлы и коробки с барабанами и гитарами. Бедные, что они с ними будут делать?

Не успела развить эту мысль, как вдруг роботам будто команду кто отдал. Неподвижные все это время «камни» зловеще поднялись, расправив «умные» лапки и начали вновь загонять нас в круг, подталкивая к нам разбросанный багаж. В пришедшей в движение толпе я на миг потеряла из виду Ульяну, к

которой рванула, когда роботы зашевелились. Глеб вовремя поймал меня крепкой рукой и недовольно проворчал:

– Сказал же, быть рядом.

И подтолкнул в объятья подруги. А люди вокруг возмущенно кричали, толкались, сбиваясь в кучу. Страх и чужие эмоции вновь хлестнули меня по вискам электрическим разрядом. Но все резко стихло, стоило ожившим тварям грозно поднять передние лапы и выпустить щетинки. По ушам ударил низкочастотный звук. Я закричала, рядом застонала Ульяна. Боже, что это? Я видела, как и остальные несчастные, хватаясь за уши, загибались от разрывающего мозг гула.

Но вскоре вновь наступила тишина, в которой особенно остро слышались судорожные вздохи и всхлипы людей.

– Скорее всего, это было «вежливое» предупреждение, – просипел рядом Глеб.

– Внимание, чтобы обошлось без жертв, предлагаю всем подчиниться! – взял слово Майкл Кроули, его голос был злым и хриплым, звучал как приказ, а не просьба. – Не сопротивляйтесь роботам! Следуйте их указаниям!

– Что они хотят? – выкрикнул кто-то в толпе.

– Мне кажется, чтобы мы куда-то шли, – предположил «контачивший» с роботами Игорь.

Он оказался прав. Твари, вынудив схватить багаж и переноски с ранеными, кошмарной черной массой выдавливали нас из ангара. Шаг за шагом мы медленно двигались в сумрачный тоннель.

– Нам «тактично» намекнули воспользоваться чьим-то гостеприимством и «любезно» показывают, куда тащить свои задницы и барахло, – сухо прокомментировал Глеб, сверля взглядом ближайшего огромного, в половину его роста, монстра.

Наш не то строитель, не то спасатель, обремененный лишь кейсом, помогал Кроули, везущему тоже только один чемодан, поддерживать Кристину, которая

хоть и пришла в сознание, но на ногах держалась с трудом от головокружения и тошноты.

– А вдруг нас свои попытаются спасти… а мы уйдем отсюда. Где потом искать будут? – подросток, насмотревшийся голливудских фильмов, не терял надежды.

– Глаза протри, придурок, неужели не видел, что эта летающая тарелка отдалялась от Земли? Нас забрали с концами! Все! Никаких «спасти» не будет! – сорвался на ребенка лысый бугай, который подло выкинул стюардессу из самолета, лишь бы закрыть дверь.

– Рот захлопни! – злобно рявкнул на него Кроули, еще бы, ведь этот пассажир напал на члена его экипажа.

– Как это отдалялась? Земля? – пропустив мимо ушей слова Кроули, визгливо переспросил парень.

– Она улетает?.. Земля? Или тарелка? – вторил ему растерянный женский голос.

– Я не в курсе приключений вашей посудины, а данное транспортное средство однозначно двигалось прочь от нашей планеты, да. Неужели вы не заметили? – холодно произнес молодой мужчина в деловом костюме на русском, но с кошмарным акцентом.

В руке он держал лишь тонкий кейс для важных документов и, в лучшем случае, запасной рубашки и белья. Вот это, я понимаю, путешествие налегке. Мне пришлось катить свой чемодан, в который я дополнительно запихнула плед, пару бутылок воды и пачку печенья.

– Не несите ерунду! Это все розыгрыш! Подстава! Нас чем-то накачали и проводят жестокий эксперимент! И… – бешено вытаращив глаза и крутя головой, выкрикнул один из мужчин лет тридцати.

– …и самолет не выкинули, а просто в соседнее помещение убрали. А та голубая пленка и вид в открытый космос – просто экранная сьемка и кино. Понятно вам всем? – поддакнула ему дородная тетка и тоже задрала голову, наверное, высматривала скрытые камеры.

– Согласен! Все это тупой развод! Позовите главных, пора кончать с этим балаганом! – присоединился к протестующим пассажирам кто-то из впереди идущих, тем не менее, покорно шагавший вглубь «тарелки».

– Мы вам коллективный иск выкатим, уроды! По миру пустим, без штанов оставим и… – заорал во всю глотку еще один «деловой» при костюме.

– Молчать! – прогремел Глеб и более спокойно продолжил: – К сожалению, с ума сходят исключительно поодиночке, а не коллективно. Еще более обидно, что никаких разводов, галлюцинаций и кино тоже не случилось. Нас реально украли пришельцы. Поэтому давайте думать и действовать согласно сложившимся обстоятельствам. В первую очередь, важно помогать раненым, защищать женщин и детей, соблюдать дисциплину и держаться друг друга. Это не игра! И чем быстрее вы это для себя примите, тем…

– Легче станет жить? – горестно и неверяще предположила одна из женщин.

– Тем быстрее мы выясним почему, для чего и кто нас похитил, – закончил Глеб. – Вам не кажется, что вот три самых главных вопроса на данный момент?

В его словах чувствовался опыт и авторитет, поэтому препираться с ним никто не стал, да и устали все. Мы с Улей еле-еле переставляли ноги, обвешанные сумками, шурша по полу колесиками чемоданов, попутно обмениваясь испуганными, нервными взглядами.

Страшно было всем. И я прекрасно понимала людей, да и чувствовала, и видела. Ведь большинство из нас обычные, рядовые граждане, привыкшие жить в системе, где есть правительство, полиция и социальная иерархия, в которой четко расписаны функции: кто спасатель, а кто спасаемый. Поэтому, благодаря Глебу и Кроули с Сандерсом, взявшими на себя руководство, мы все-таки успокоились.

Привычный мир пошатнулся, мало того, все перевернулось с ног на голову и началось что-то очень страшное, невероятное и непредсказуемое. Нас, еще час назад таких высокотехнологичных и высокоразвитых, гламурных и крутых, погнали как скот. Не по широкому русскому полю, а по тоннелю, уже, казалось, бесконечному, серому от слабого освещения, странно лившегося с потолка, погружавшего пространство в давящий на психику сумрак.

Неожиданно Глеб скомандовал остановиться, чем вызвал недовольство роботов. Выглянув из-за его плеча, мы наблюдали за одним из пассажиров: пухляш лет пятидесяти рискнул приблизиться к стене и, вздернув брови, задумчиво покарябал ее ногтем. Что может быть интересного в сплошной серой стене?

– Есть интересные мысли? – уточнил наш нечаянный лидер у второго экспериментатора.

– Если не ошибаюсь, это сделано из графена или чего-то схожего. Суперпрочный и легкий материал, – ответил мужчина, крутя головой по сторонам, но остановиться для более детального изучения ему не позволил робот, подтолкнул к нам поближе.

– Какая разница из чего стены? – возмутился лысый бугай, оборачиваясь к нам, когда все двинулись дальше. – Мы на корабле пришельцев, без еды и воды практически. А что дальше? Будем жрать друг друга?

– Может, мы его в космос следом за самолетами отправим, а? – потерял терпение Кроули, обращаясь к Глебу.

По-видимому, бугай не знал английского, поэтому не растерял воинственный настрой. А вот говоривший про графен, услышав угрозу, постарался сгладить ситуацию:

– Послушайте, уважаемый, это, скорее всего, транспортный корабль и им кто-то управляет. Полагаю, как и на любом судне, здесь есть пищевые автоматы…

– Для пришельцев? – не мог успокоиться бугай, чем будоражил других людей. – А мы, попробовав их еду, тупо сдохнем от несварения…

– Даже при нашем уровне технического развития создать автомат, производящий синтетическую пищу, полностью удовлетворяющую человеческим потребностям, – не проблема. В конце концов, пища – это всего лишь набор необходимых аминокислот, макро и микроэлементов. Я более чем уверен, для создателей подобного корабля, бороздящего космос, синтез полноценного питательного рациона для землян тоже не составит проблемы.

– Как вас зовут? – улыбнулся Глеб ученому.

– Нестеров Владимир Иванович… хотя, ни к чему политесы разводить, обращайтесь ко мне на «ты» и по имени, – махнул он пухлой рукой.

– Приятно познакомиться, Глеб, – располагающе улыбнулся наш спасатель.

Потом представил Владимиру Ивановичу тех, с кем успел познакомиться: капитанов, нас с Улей, бледную и всю в синяках Кристину, бредущих за нами поникших людей, потерявших близких. Некоторых членов экипажа назвали Кроули и Сандерс. А вот наш знакомец Роман оказался где-то далеко позади.

– Меня зовут Сергей, – гордо сообщил бугай, протягивая руку Глебу.

Тот несколько помешкал, но вежливо пожал ее. Мы с Улей переглянулись, я закатила глаза, выказывая свое мнение по поводу такого знакомства. Неприятный тип, но куда деваться? Вскоре нас вывели на очередную площадку, только совсем небольшую, с трудом всех вместившую. Но вот что удивило: стоило людям собраться на ней, роботы-сопровождающие стремительно исчезли.

– Здесь есть лестница! – проорал кто-то из пассажиров.

– И здесь…

– Тут еще одна… – неслось с разных сторон.

– Ой! – взвизгнула одна из девушек, следом за ее возгласом послышался тихий шелест и в стороны разъехались створки. – А здесь лифт… кажется.

Переглянувшись с Улей, мы разом повернулись к Глебу, узнать его мнение.

– Что ж, видимо, нам предложили обследовать объект самим. Прошу разбиться на пары или небольшие группы, поодиночке не ходить! Это может быть ловушка!

Вот так вот мы вышли к месту, из которого можно попасть на другие уровни корабля и начать его исследовать, наверняка с разрешения неведомого хозяина-инопланетянина.

* * *

– Ир, мне кажется, это каюты! – воскликнула Уля, стоя на пороге очередного помещения с автоматически открывающимися дверьми.

– Я тоже так думаю, – согласилась с ней, разглядывая небольшую квадратную комнату без «окон».

Пара прямоугольных матрасов с валиками вместо подушек вполне сойдут за спальные места. Мы шагнули в каюту, двери закрылись, но едва мы нервно ринулись обратно в коридор, они снова послушно разъехались в стороны, позволяя выйти.

– Не ловушка! – с облегчением озвучила и мою мысль Уля.

Телефоны разрядились у большинства пассажиров, но благодаря наручным часам, имевшимся у нескольких мужчин, мы отслеживали время – прошли сутки, как мы оказались на борту НЛО. Тяжелые сутки блуждания по новому месту обитания. Усталость неотступно брала свое, а мигрень стала со мной одним целым. Голод и жажда противно подсасывали желудок и сушили горло, но мы с подругой держались. Обходили коридор за коридором, пытаясь найти двери, за которыми могла быть вода и пища. Нам с Улей еще везло. Несколько человек пришлось вызволять из ловушек с помощью отломанного металлического «оборудования».

Надежда найти пищу и воду таяла с каждым часом. Больше всех страдали дети и раненые, тем отчаяннее и смелее мы с подругой открывали двери, устав бояться. Ведь что может быть хуже голодной смерти? Мне кажется, ничего.

Я решила опробовать спальное место и устало опустилась на матрас. Погладила мягкую ткань, с удивлением чувствуя исходящее от него тепло.

– Ух ты, Уля, он еще и с подогревом, оказывается! – поделилась я с подругой, хотя она и сама следом за мной уселась и тоже почувствовала.

Краем глаза я заметила, как на другой стене загорелся белым цветом небольшой круг. Заинтригованная, встала с лежанки и, замерев напротив этого светящегося пятна, отметила, что оно обведено едва заметной темно-серой линией. Затаив дыхание, решилась коснуться…

– Нет! – испуганно крикнула за моей спиной Ульяна, но опоздала с предупреждением. – Ира, это может быть опасно!

Я пожала плечами:

– Просто надоело бояться. Тут все может быть опасным.

Назначение небольшой комнаты, куда кнопка открыла вход, мы выяснили с помощью самого ультрасовременного, старого и всем известного, а главное, единственно возможного способа – метода тыка. Оказалось, мы попали в санитарный блок. Сначала нас чуть не засосало в унитаз – это уже Уля демонстративно нажала на очередное светящееся пятно, доказывала мне, что она тоже страх потеряла. От испуга визжали обе, как ненормальные. Это было похуже, чем в железнодорожном вагоне нажать на кнопку слива биотуалета.

Затем до нас дошло, что сетка под кружком как раз и есть место для справления естественных нужд, словно мы не на высокотехнологичном корабле пришельцев, а в деревенском нужнике с дыркой в полу. То есть дела придется справлять, присев на корточки, но нам ли привыкать?!

Потом мы уже с гораздо большей осторожностью нажали другой светящийся кружок – и тут же ощутили, словно по коже мурашки размером со слонов разбежались, даже волосы зашевелились, причем буквально.

– Похоже, это душ… такой специфический! – сделали мы общий вывод, когда волосы легли на плечи чистой, но наэлектризованной волной.

Я уныло вздохнула:

– Жаль, не водяной… – Безводье страшило все сильнее.

– Раз уж здесь каюты с постелями есть, то и остальное должно быть. Найдется, – безапелляционно заявила моя любимая подельница в любых авантюрах.

– Дай бог! – с отчаянной надеждой пожелала я.

А вот новый светящийся кружок выявил пустой, но вместительный ящик неизвестного назначения.

– Может, это какая-нибудь химчистка? – нахмурилась Уля, сверля пустой проем в стене задумчивым взглядом.

– Или утилизатор других отходов, типа мусорки какой? – предположила и я.

– Попробуем на чем-нибудь не нужном, – кивнула Уля.

– На Сереге? – хихикнула я.

Том самом бугае, который не оставлял попыток влезть во «властные структуры» похищенных своими грязными бутсами. Теперь о Сереге узнали абсолютно все, ведь он каждому успел нахамить, обругать и оставил о себе неизгладимое впечатление. Уже не раз и не два слышала предложения отправить его на поиски самолетов в открытый космос.

В целом ситуация накалялась, люди начали делиться на группы по «интересам», а этого «умника» к себе брать никто не спешил. Вот и приходилось нам его терпеть.

Мне не нравилось, что люди начали расслаиваться, но, видимо, это естественный процесс. Подобное тянется к подобному. Семейные с детьми отдельно. Молодежь отдельно. А мы, благодаря обоюдному интересу Ульяны и Глеба, оказались в группе под его негласным руководством, куда вошли оба экипажа самолетов, Нестеров Владимир Николаевич и кудрявый Игорь с женой Еленой. В общем, мы с Улей прибились к тем, кто имел хоть какое-то понятие как выжить в экстренных ситуациях и был адекватным.

Недолго думая, я предложила:

– Ну что, каюты мы нашли, эту займем сами?

– Давай. Надо остальные проверить и ближайшие занять для своих, – озаботилась Уля, направляясь на выход.

– Соседнюю Глебу обязательно, – подыграла я и рассмеялась, глядя на смутившуюся подругу.

Она укоризненно качнула головой, но не выдержала и вскоре мы обе хохотали над идиотской ситуацией: того и гляди от голода и обезвоживания помирать начнем, но о любви все равно думаем.

Как мы и предполагали, весь этот уровень – сплошь одинаковые каюты в минималистическом стиле по обе стороны сумрачного, казалось, бесконечного коридора. Исключение – лестничные пролеты и лифтовые шахты. Правда, пока большинство из нас ходило по лестницам пешком. Отправиться на лифте в неведомые дали, с учетом абсолютного «без понятия» как вернуться обратно, ведь там ни циферок, ни кнопочек не было, а только уже знакомые светящиеся пятна, рискнули только Глеб с Нестеровым. Вернулись они мрачные спустя пару часов. Оказалось, исключительно благодаря чуду – повезло ткнуть на правильное пятно и оказаться на нужном уровне. Метод тыка не подкачал!

Зато мы узнали, что всюду, где открывались двери лифта, было темно как ночью и пусто, а выходить из него мужчины не рискнули, так все время и прокатались в кабине.

– Наро-од, сюда! – услышали мы чей-то радостный крик с лестничного пролета.

Добежав и свесившись вниз, увидели Толика – того парнишку, что верил в спасение.

– Что случилось?

– Сергей столовку нашел! И даже опробовал еду на себе. И главное – все еще живой! Говорит, еда пресная, но есть можно.

– А воду? – заволновались мы.

– И воду нашел, правда, она на компот или кисель похожая, но жажду утоляет отлично. Я тоже попробовал!

– А мы целый жилой этаж нашли! – похвастались мы, спускаясь вниз. – С туалетами и даже душем, но безводным; возможно, каким-то волновым, волосы дыбом стояли.

– Ух ты, я читал про ионный душ на космических кораблях! – воодушевился Толик.

Под его бойкие рассказы мы добрались до той самой площадки, где нас вчера оставили роботы. Здесь организовали небольшой штаб, куда стекалась вся информация по итогам обследования НЛО. Нестеров со свойственной ему дотошностью составлял план уровней. Прямо на стене чертил.

Сперва наши лидеры решили разместить всех по каютам. Процесс этот был весьма оживленный, и нам с Улей пришлось попотеть: каждому показать, как пользоваться санузлом и душем. Я ощущала, как постепенно поднимается настроение у людей, благодаря чему и меня отпускала давящая мигрень.

Когда нас всех позвали в столовую, вообще стало легче дышать. Угроза голодной смерти отступила, да и отсутствие роботов-насекомых не могло не радовать.

– А жизнь-то налаживается! – улыбнулась Улька, глядя как в гладкую серую емкость, которую все единогласно признали тарелкой, из пищевого автомата мягкой коричнево-зеленой неаппетитной горкой выдавливалась еда.

– Серега все еще живой, значит, точно налаживается! – усмехнулась я, бросив взгляд назад.

Столовая представляла собой просторное прямоугольное помещение, по которому расставлены «грибы» – округлые выпуклые столешницы на тонких ножках, словно поганки. Любопытно, что тарелки с этих «шляпок» не сползали и не падали, какое-то сцепление действовало. В центре столешницы углубление,

как только ставишь тарелку, в нем появляется ложка. Причем почти привычного вида, а вот из чего сделана? Похожа на пластиковую. Стульев и иных посадочных мест не оказалось. Ну и ладно, как говорится, стоя больше влезет.

Владимир Иванович перестал расхаживать по периметру столовой, заглядывая во все дырки, и недоуменно обратился к Сергею, который доедал уже, наверное, десятую порцию:

– По каким признакам вы решили, что это столовая? И что вот эта дыра в стене, – ученый взволнованно махнул на стену с углублениями, внешний вид которой походил на встроенный автомат с газированной водой, – именно «оно». То, что даст вам еду и жидкость? Я не понимаю-ю-ю…

Сергей пожал мощными покатыми плечами, отчего его шея с минимум восемью складками обрела еще парочку:

– Ну столы же стоят. У меня батя на заводе в свое время работал, у них в столовой тоже такие же были. И посуда имеется, – Сергей потряс тарелкой, – а когда я нечаянно на этот светящийся кружочек нажал, из дырки вывалилась эта фигня. Вспомнил, что вы сказали и…

– Напомните, пожалуйста, Сергей, о чем я говорил, а то запамятовал, – удивленно попросил Нестеров.

Почти все столы были заняты. Народ, возвращаясь из поиска и узнавая о радостном событии – открытии столовой – спешил сюда удостовериться. Человек сто жадно прислушивались к разговору.

– Ну… что на любом корабле есть пищевые автоматы. И еда, набор чего-то там, ну вы сами знаете, нам точно подойдет, – довольно отвечал сытый Сергей. – Поэтому я решил попробовать, раз нашел. Похожа на овощной суп-пюре, правда без соли и вкус противный. Терпеть не могу сельдерей и горох, но на безрыбье, как говорится, и карась за лосося сойдет.

Пошутив, Сергей расхохотался, а жевавший народ таращился на этого отчаянного «смельчака».

– А вы чем занимаетесь по жизни? Любезный? – уточнил пожилой мужчина в твидовом пиджаке и даже с шелковым шарфиком на шее.

Заподозрив неладное, Сергей набычился и был краток:

– Бизнесом.

А все, кто слышал в тоннеле лекцию Нестерова о пищевых автоматах, молча переваривали тот факт, что этот на редкость невнимательный бугай, переврав чужие слова и откинув самое важное, абсолютно не сомневаясь, наелся неизвестной бурды, которая в принципе могла бы оказаться смазкой для роботов или деталей, да мало ли чем еще…

Обменявшись со мной и Улей веселым понимающим взглядом, Глеб сделал вывод:

– Повезло… нам, с тобой, Сергей.

Кроули, насмешливо хмыкнув, добавил:

– Признаю свою ошибку, тебя никак нельзя в космос выкидывать, ты самый ценный член нашего похищенного общества. На таких и держится порой судьба всей цивилизации…

– Нет, всего рода человеческого! – улыбнулся Игорь, взлохматив ладонью кудрявую макушку.

И тут его в очередной раз стукнуло током, теперь от собственной тарелки. В итоге он снова вступил в перепалку с женой, которая ворчливо вспомнила всю технику, которую он испортил своей повышенной статичностью. Они ссорились, не повышая голоса, занудно, наверняка привычно и по давно известному им сценарию.

– Вы что-то нашли и сломали? – заинтересованно прервал супругов Глеб.

– Двумя этажами ниже мы нашли странную комнату. Вся белая, стены гладкие, полированные, – раздраженно ответила Лена, ее, наверное, на самом важном

месте прервали.

Зато Игорь с удовольствием продолжил рассказывать:

– Любопытное помещение. Там темно, а всего шаг туда сделал – и стены светиться начали. И все такое белое, даже глаза режет. Энергия внутри настолько густая… как возле электростанции, даже волосы дыбом от напряжения.

– Любопытно, – нахмурился Глеб, обменявшись взглядами с Кроули. – Завтра покажешь!

– А зачем? Там все равно пусто, ничего кроме белых стен и потолка нет. После Игоря там наверняка больше ничего не работает, – с легким ехидством отмахнулась Елена.

– Вдруг вы пропустили светящиеся точки активации? – на ломаном русском предположил Кроули.

Из-за преобладания среди нас русскоговорящих общались мы в основном на русском. Но старались переводить и на другие языки, чтобы все «пассажиры» были в курсе происходящего. Переводчиками работали стюарды.

После безвкусного, но сытного ужина мы решили, что пора отдохнуть. Народ уже веселее расходился по каютам, преисполненный надежды на спасение. Я слышала, как Толик делился с кем-то очередной историей про пришельцев, заверяя, что обычно те свои жертвы возвращают домой, иначе как бы мы узнали про НЛО. Пусть это глупо и наивно, но мне дико хотелось ему верить.

За прошедшие с момента похищения сутки я вымоталась до предела. Уля тоже держалась на чистом упрямстве, как и большинство из нас. С ног валились даже самые стойкие.

Я думала, что усну сразу, но мысли в голове возились… разные… беспокойные. Да и мигрень тихим гулом продолжала терзать мозг. Я перевернулась набок, посмотрела на подругу. Удивительно, как легко она уснула при свете, слабом и сером, но все-таки. Выключить его мы не смогли. Я пыталась считать баранов, но

в мыслях нет-нет, да возникал вопрос: что было бы, если бы я прислушалась к своей интуиции и отказалась лететь? Одинокая слеза скатилась по щеке.

Судорожный вдох-выдох, чтобы не разбудить Ульяну, и я решила больше не гадать. Уже случилось. Лучше подумать, как жить дальше. Вспомнила детскую присказку: «Сплю на новом месте – приснись жених невесте!» и вымученно улыбнулась. Вскоре, наконец, расслабилась…

Кажется, лишь на миг прикрыв глаза, я провалилась в сон, в котором было что-то тревожное и пугающее. Что-то огромное, темное. Неприятное, засасывающее чувство, словно я угодила в воронку, оно било по нервам, и я проснулась – резко вынырнула из кошмара.

Интуиция верещала сиреной. Заполошно оглядев каюту, я с облегчением увидела спокойно посапывавшую подругу и ничего подозрительного. Это все напряжение! Устало упав на подушку, прикрыла глаза рукой и заставила себя дышать ровно, чтобы привести нервы в порядок и успокоить сбившийся сердечный ритм. Что мне приснилось, не могла вспомнить. Тоскливо посмотрев на ставший бесполезным телефон, лежавший у матраса прямо на полу, попыталась понять, сколько часов проспала? Как вообще теперь определять время и нужно ли нам теперь знать, сколько прошло часов? Мы ведь в космосе, здесь нет ночи и дня. Здесь ничего нет. И это испугало еще сильнее! Зачем нас похитили? Что от нас хотят эти роботы? Если для опытов над людьми, то почему хозяева «тарелки» сразу не появились? Или же они пока лишь наблюдают за нами, а самое страшное впереди? А рефреном этому терзали мысли о родных, оставшихся там, на Земле!

В темном хаосе мыслей заснуть было сложно…

В очередной раз я проснулась от того, что меня мягко трогала за плечо Ульяна:

– Ира, просыпайся. Глеб зовет на завтрак.

Ох уж это захватывающее время романтики… когда влюбленные ищут путь к сердцам друг к друга и не в состоянии прожить без предмета своего обожания лишней минутки. Я почувствовала себя третьей лишней, но было приятно ощущать Улькино хорошее настроение. Только бы вместе с ней в Глеба не влюбиться, а то он один такой – весь из себя бесподобно мужественный. К тому

же заботливый, ответственный, ну и красивый.

Народу в столовой было немного, только ранние пташки. Завтракая в компании с капитанами Майклом и Дереком за одним столом, мы делились впечатлениями о каютах, когда к нам подошла взволнованная и растерянная Елена:

– Вы Игоря не видели? Я проснулась, а его в каюте нет. Нигде не могу его найти. Где он может быть?

– Он выходил из каюты ночью? – Глеб стал задавать встревоженной женщине вопросы, а мы с Улей дали ей воды.

Дальше быстро организовали поисковую группу, куда вызвались мы, капитаны, Глеб и еще двое активистов. Искали долго, по всем уже хоть немного изученным уровням. Пока не догадались спуститься на два этажа вниз и заглянуть именно в ту белую комнату.

Там, на полу, сжавшись в позе эмбриона, лежал Игорь. Когда Дерек Сандерс перевернул его на спину, мы с Улей вскрикнули. Кошмар! Что с ним произошло, если его было не узнать?! Багровые от кровоизлияния глаза, спекшаяся кровь, которая вытекла из носа, ушей, рта и даже слезных каналов – жуткая кровавая маска, безмолвно говорившая, что смерть случилась несколько часов назад. Все тело Игоря, пальцы, руки, ноги, было настолько скрюченным, что он походил на сломанную игрушку, побывавшую в руках какого-нибудь больного на всю голову психопата. А кудрявые некогда волосы антеннами торчали в разные стороны.

Елена, увидев мертвого мужа, заверещала и бросилась к нему, рухнула на колени рядом. Мы еле успели схватить ее за руки и оттащить от мертвеца.

– Вдруг заразный, – пытались мы с подругой вразумить обезумевшую от горя женщину.

– Нет, не похоже. Это скорее последствия удара током… – тихо, задумчиво предположил Глеб, – высокого напряжения…

Майкл Кроули сказал, чтобы не устраивать панику, сообщать остальным пассажирам, где мы обнаружили Игоря и особенно в каком состоянии, не стоит.

– Среди нас есть квалифицированный врач, мистер Штольман, он помогал раненым… – Кроули мрачно взирал на каждого из нас, угрюмо и растерянно топтавшихся в этой белой жуткой комнате. – Надо позвать его, чтобы уведомил всех о несчастном случае. Игорь умер… к примеру, от инфаркта. В конце концов, у нас уже есть три трупа с таким диагнозом. Еще один мало кого удивит. – Отметив серое, отчаянное лицо супруги Игоря, он поторопился мягко к ней обратиться: – Если, конечно, миссис Элен не против. Мы все понимаем, но психика у большинства людей и так на грани, а если кто-то узнает об очередной смерти, да еще столь загадочной и непонятной, начнется паника.

– Паника сейчас страшнее всего, – глухо согласился Глеб, разглядывая окровавленного мертвеца.

– Но хотелось бы понять, что с ним случилось, – озвучила я, мне кажется, мысль каждого в этой странной комнате.

Я чувствовала себя плохо. Прав был Игорь, описывая свои ощущения, рядом с нами будто электростанция находилась. Волосы встали дыбом даже на руках. Очень пугающая комната. Еще и кровавые разводы на белом полу. Только бы не стошнило. Пусть уже не первый труп… со вчерашнего дня, но Игорь лежал, скукожившись, тараща в никуда багровые от лопнувших сосудов безжизненные глаза. Словно пустая оболочка.

Ждать врача пришлось долго. Когда же Штольман появился и разглядел «пациента», то сперва пытался всячески отказаться от предложенной ему миссии, говорил, что он просто пластический хирург, а не патологоанатом и тем более инфекционист. В итоге, Глеб, взявшийся руководить нашим спасением и наверняка повидавший много чего на стройках, заверил доктора, что так выглядят те, кого высоким разрядом тока ударило.

Нашу траурную процессию люди встретили испуганно. Штольману, да и всем нам, было сложно и тяжело лгать о случившемся, особенно когда Елена горько завывала под слова соболезнования. Мы стояли рядом с бедняжкой и не знали, как помочь ей справиться с горем. Поэтому, оставив несчастную в руках более зрелых женщин, мы с Улей тихонечко ушли в свою каюту поплакать.

Вышли лишь к обеду, но сразу ощутили, как изменилось настроение людей. Страх, только-только отпустивший наши сердца, снова сжал свои тиски.

Неопределенность, неизвестность, отсутствие целей и задач разрушали всех изнутри, были губительны. Мы совершенно не знали, что нас ждет, как сбежать отсюда, чем, собственно, себя занять. Мы только и делали, что ели, спали и ждали каких-нибудь решений от наших лидеров. А те сами не знали, что делать и как быть. Конечно же, это все негативно сказывалось на общем моральном духе. Пару раз вспыхивали ссоры. А ведь мы всего вторые сутки на корабле пришельцев «гостим».

Что же будет дальше?

Глава 3

Странная смерть

Как мы ни старались скрыть истинную причину смерти Игоря, но, увы, шила в мешке не утаишь. Во-первых, слишком неожиданным оказалось предложение Дерека Сандерса организовать ночное патрулирование. Не вчера, когда никто не знал, что или кто нас окружает и угрожает, а именно сегодня, когда все немного расслабились и ощутили тепло надежды на спасение. Да еще после сообщения о странной смерти – инфаркте у слишком деятельного и довольно молодого мужчины.

Во-вторых, скорее всего, мы, нечаянные заговорщики, излишне рьяно поддержали идею капитана суперджета о патрулировании. В общем, мы с Улей, оба капитана с экипажами и Владислав Штольман, бережно обнимавший за плечи вздрагивавшую от слез Елену, невольно выделялись среди остальных пятисот пассажиров напряженным видом и обменом мрачными взглядами. В итоге неосведомленные о трагедии люди смотрели на Дерека с подозрением, но, как ни странно, руки подняло большинство. Страшно было всем!

Неожиданностью оказалось мнение Глеба:

– Мне кажется, ночное патрулирование в нашем положении бессмысленно.

– Почему? – неприятно удивился Дерек.

Глеб едва заметно, задумчиво нахмурился, подбирая слова, и одновременно как-то неосознанно поглаживал Ульяну по плечу, будто успокаивал. Или волновался за нее. Наконец, посмотрел на стену, где Нестеров на плане корабля отмечал все проверенные участки:

– Посмотрите на карту, за прошедшие сутки мы побывали на пяти этажах. Теперь знаем где ангар, он явно служит стартовой площадкой для более мелких летательных аппаратов. Обнаружили столовую, теперь у нас есть пища и вода. Еще и жилой этаж с каютами нашли, судя по их количеству, там можно небольшой город разместить. Но при этом ни один этаж, где мы якобы чувствуем себя как дома, до конца нами не исследован. Мы прошли примерно по километру в обе стороны, а конца-края не видели.

– К чему ты ведешь, Глеб? – нахмурился Кроули.

– Полагаю, – вмешался Нестеров, – что господин Смирнов хочет сказать, это место похоже на огромный бескрайний лабиринт, состоящий, возможно, из сотен уровней различного назначения, этажей и ответвлений.

– Да, спасибо, Владимир, – благодарно кивнул Глеб. – К тому же меня напрягает слишком скудное освещение в коридорах, ведь в каютах и столовой оно более яркое, привычное для людей. А стоит оказаться в местах общего пользования или на новых этажах или уровнях, там мы практически в потемках, наощупь бродим…

Неожиданно содрогнувшись, я выплеснула свои страхи:

– Будто корабль законсервирован, спит… как и его хозяева.

На меня сразу обратили внимание сотни глаз, как если бы подобная мысль пришла не только мне в голову. Вон как все помрачнели, а родители невольно прижали детей к себе. Даже представить не могу, что они сейчас испытывают.

– Согласно вчерашней переписи пассажиров, всего нас с двух бортов набралось пятьсот четыре человека. Из них шестнадцать детей, двести двадцать три женщины и двести шестьдесят пять мужчин.

– Глеб, при чем тут наше количество? – потерял терпение Роман.

Он стоял рядом с одной из девушек, которые позавчера шли впереди нас с Улькой на посадку и громко хохотали, делая жизнерадостные селфи.

Глеб пропустил мимо ушей чужое раздражение и нетерпение и высказал, наконец, то, к чему вел:

– Повторюсь, этот, как сказал наш глубокоуважаемый Владимир Иванович, лабиринт изучен нами в лучшем случае на десятую долю процента. Роботы или их незримые хозяева привели нас на перекресток, где проходит стык уровней, чтобы мы легко и быстро нашли все необходимое для жизни. Значит, в нашем выживании они по какой-то причине заинтересованы. Далее, в целом нас пятьсот с лишним человек, но половина из них – это женщины и дети. Поэтому не вижу причин для ночного патрулирования. Слишком мало мужчин для этого, не в обиду женщинам было сказано. Сейчас оптимальное решение – обезопасить жилую зону. Выставить там постоянных часовых. А дальнейшие исследования неизведанных территорий проводить как раз разведгруппами. Категорически не шляться по одному. Мы на чужой территории, неизвестно кто там за нами наблюдает из темноты… и с какими целями.

Я испытала невольное горделивое уважение: какой же наш Глеб Смирнов рассудительный и умный! Повезло же Ульке с мужчиной.

После речи Глеба повисла давящая тишина, а стоило Сандерсу с тяжелым и согласным вздохом начать составлять списки будущих часовых и разведчиков для исследования корабля, поднялся лес рук. Причем мужчины сами подбирали себе напарников, уже осознав, кому они могут доверить свою спину в случае опасности. Как всегда бывает, среди пассажиров нашлись и такие, кто до сих пор не принял реальность, они вели себя как зеваки в экстремальной туристической поездке в ожидании скорого возвращения на Землю. Музыканты казались подвыпившими, как и их раскрашенные на манер воинственных племен туземцев женщины. Вели они себя очень развязно и осуждающие взгляды их не беспокоили.

Я не любитель подобных компаний. Мне кажется, эти деятели искусства еще доставят нам неприятности своим отношением к ситуации. Интуиция требовала держаться от них подальше, что, собственно, я и делала.

Мы с Ульяной договорились дальше разведать «спальный» этаж, пока мужчины занимались важными делами, составляли списки пассажиров по возрастам, семейному статусу, профессиям и умениям. Так же организовывали блокпосты в необходимых местах жилой зоны и на Площади Советов, как мы назвали межуровневую площадку-стык. Еще назначили ответственных по различным вопросам. В общем, толку от нас с подругой здесь никакого, поэтому мы занялись уже знакомым делом – бродить по этажам и совать свой любопытный нос во все еще не изученные щели. Хоть такую пользу принесем нашему небольшому сообществу.

Вскоре к нам присоединился Толик, этому пятнадцатилетнему парнишке с нами было веселее и проще общаться, чем с другими детьми и взрослыми. Оказалось, парень летел один, без родителей, его было откровенно жалко. Он искал у незнакомых людей поддержку, которую остальным детям в этом кошмаре с лихвой дарили их родители. Мы с Улей были искренне рады его обществу. Веселый парень и про пришельцев знал очень много, пусть из фильмов и книг, но мы с подругой вообще не увлекались фантастикой. Тихонечко перебрасываясь шутками, чтобы разбавить скопившийся в сердце страх, мы возвели Толика в ранг эксперта по вопросам НЛО. И пообещали считаться с мнением нашего юного уфолога.

Слушать его истории было откровенно страшно. При этом вновь и вновь открывая пустые каюты, я мысленно выдыхала от облегчения, что на нас не кинулась какая-нибудь страшилка из рассказов Толика. Брр! Жуткие монстры эти пришельцы, но паренька они явно приводили в восторг.

Когда мы удалились вглубь коридора на сотню шагов, нас догнал Глеб:

– Девочки, вам пока не стоит ходить где-либо одним, даже с Толиком. Тем более без разрешения… хм-м… предупреждения, что уходите…

Укорял он всех троих, но при этом тяжело глядел на Ульяну. Вместо того чтобы, как обычно, обидеться на чужие приказы и проявление собственнических замашек, подруга расцвела как роза. Я не сдержала широкой ухмылки, когда заметила, как оттаял Глеб под натиском восхищения и обожания, сиявших в Улькиных глазах. Если честно, я лишь однажды видела ее такой же счастливой, когда родители купили ей, застенчивой девчушке детсадовского возраста, интерактивную куклу, очень похожую на живого ребенка. Она ведь интроверт, сложно сходится с людьми. А Глеб – молодец. С завидной легкостью подобрал к

ней ключик.

Такая романтичная сцена, где двое влюбленных ведут молчаливый диалог взглядами, едва касаясь руками, мило друг другу улыбаются, стоя посреди темного коридора, где сотни дверей в неизвестность… Эх, ну почему я не романист и не кинорежиссер.

– Ох уж эти взрослые заморочки! – смешно закатив глаза, весьма эмоционально выдал Толик.

Моя улыбка сама по себе сползла с лица, стало грустно, но не потому, что Толик вмешался. Эти двое – Ульянка и Глеб – нашли друг друга в самый жуткий период жизни, но теперь они вместе, а я одна. Глупо думать о романтике в такой момент, но любое женское сердце тоскует по сильному плечу. Мое – не исключение!

Но впасть в уныние не позволил шум шагов, нас кто-то еще догонял, бегом. Вскоре из-за поворота быстрым шагом вышел один из капитанов – Дерек Сандерс собственной неотразимой персоной. На корабле пришельцев было довольно прохладно, градусов восемнадцать, не выше, поэтому мы с Улей сегодня оделись теплее. Белые кроссовки, голубые джинсы, я надела черный кашемировый свитер, подруга – водолазку и джинсовую куртку. Дерек по-прежнему был в синей форме и прекрасно выглядел, а мы с Улей на его фоне – очень обыденно, просто. Обидно как-то. Девушки должны выглядеть стильно и модно. Но, увы, не в этом случае.

Я невольно засмотрелась на подтянутого, худощавого, широкоплечего и высокого Сандерса. Загорелый, голубоглазый, русоволосый, улыбчивый, вон уголки губ так и тянутся вверх. Просто модель для обложки журнала про самые брутальные профессии. Еще я, как самый настоящий тайный агент, вызнала его возраст – тридцать четыре года. Мужчина в самом расцвете лет. В общем и целом – мой типаж. Ну нравятся мне мужчины в форме, облеченные властью, одаренные талантами, наделенные силой.

Дерек приблизился и сообщил нам приятным, этаким густым и очень сексуальным баритоном:

– Я с вами! – И для Глеба добавил: – Майкл остался за главного.

А мне неожиданно весело подмигнул. Я смутилась, даже жар опалил щеки. Неужели я настолько пристально его рассматривала, поэтому подмигнул? Или… флиртует? Хо-хо-хо, неужто и на моей улице праздник романтики? Жаль, что мы не на отдыхе в Калифорнии, тогда я бы обрадовалась его вниманию, но не сейчас, когда все настолько неопределенно. И все же в душе приятно потеплело: целый капитан мне подмигнул, к тому же красавчик, если быть объективной. Моя самооценка чувствительно поползла наверх, расталкивая сомнения и неуверенность.

Улька легонько ткнула меня в бок локтем, а поймав мой взгляд, хихикнула, тоже демонстративно подмигнув. Значит, не показалось – флирт заметила и подруга.

– Хорошо, отлично. – Глеб сделал вид, что не заметил наших с Улей переглядываний, и направился вниз со словами: – Предлагаю в первую очередь обследовать тот злополучный этаж и саму комнату, чтобы понять, что могло случиться там с Игорем.

– Я тоже хотел вам это предложить, – кивнул Дерек.

Вот такой дружной компанией мы спустились с жилого уровня, спального района, гораздо ниже, туда, где утром нашли Игоря. Таинственная энергетическая комната встретила белыми стенами и ярким пугающим пятном запекшейся крови на полу. Я с порога окунулась в знакомое напряжение, отчего у меня каждый волосок на теле встал по стойке смирно. В ней ощутимо витала опасность, но с нами были мужчины, которые не ведали страха, их вело любопытство, как и нас с Улей. Мы замерли в центре вокруг кровавого пятна.

– Что его могло здесь убить? – вырвалось у Дерека.

– Убить? – глухо выдохнул удивленный Толик. – Так Игоря убили? А кто?

Глеб смерил укоризненным взглядом Дерека, вынудив его поморщиться за несдержанность. Я решила рассказать как есть, ведь Толик подружился с нами и не дурак – все равно догадается.

– Он умер не из-за инфаркта, скорее это поражение током. Но точную причину мы пока не выяснили.

– То есть кто-то его…

Испуганного Толика оборвал Глеб, рассматривавший потолок:

– Сомневаюсь, что у пассажиров есть сильный источник электричества, а его точно чем-то весьма мощным шандарахнуло.

– У моих пассажиров с суперджета, помимо инструментов, есть портативная активная акустика, там и встроенный аккумулятор имеется. С реверсивной зарядкой, которая позволяет передавать энергию. Ты же видел, что лишь у них еще работают телефоны? Ну вот благодаря ей они свои телефоны и зарядили, – рассказал Сандерс и с мрачной иронией закончил: – Все еще надеются на спасение.

– Что ты о них знаешь? – спросил Глеб, посмотрев прямо в глаза Дереку. – Мне же не показалось, что они сегодня пьяные?

– Я не фанат тяжелого рока, – поморщился Сандерс. – Несколько раз работал с этой группой. Нанимает борт их продюсер – Майерс, крайне странный скользкий тип, нервный и явно больной на голову. Ходит в перчатках даже в жару, держит при себе секретаршу, которая суфлером передает по телефону его сообщения и указания, часто даже трубку держит возле его уха, будто он безрукий инвалид. Музыканты… особенно их солист Рашкер – это нечто. Иногда они летят как выжатые лимоны и выглядят как зомби. Раза два думал, упадем из-за этих идиотов. Они устроили такое шоу, что… в общем, не при детях и девушках рассказывать. У них частенько весьма специфическая группа поддержки из на все готовых девиц, море алкоголя и других стимуляторов радости. Боюсь, они и здесь решили поднять себе настроение привычным способом.

Глеб перевел взгляд на нас с Ульяной:

– Слышали?

Мы синхронно кивнули под строгим взором российского строителя. Как у него так получается, аж мурашки по коже. Попробуй скажи «нет».

– Очень надеюсь на ваше благоразумие, девочки. Теперь, куда бы ни собрались, идете только в сопровождении мужчин нашей группы. Со мной, Дереком или Кроули, Нестерова или кого-нибудь из семейных.

– Конечно, – дружно согласились мы с Улей, преданно глядя на Глеба.

Наверное, со стороны мы выглядели очень смешно, потому что Сандерс еле сдерживал улыбку. Затем и вовсе снова мне подмигнул и протянул руку:

– Держись меня, не пропадешь, милая.

Я фыркнула для вида, сложив руки на груди. Спорить с мужчинами я не собиралась. Надо под их охраной ходить для безопасности – значит, однозначно буду! Но такие откровенные заигрывания, еще и на публике, меня смущали. Не умею я так, нервничаю – еще током шандарахну, потом доказывай, что это не искра страсти между нами пронеслась.

Уля, в отличие от меня, протянутую Глебом руку приняла и даже мило обхватила ее обеими ладошками. А Толик тихо что-то проворчал про розовые сопли. Я взлохматила ему волосы, чтобы немного разрядить обстановку и показать, что он не один и тоже настоящий мужчина, просто маленький еще.

– Эй, моя прическа! – наигранно возмутился он и с улыбкой дернул прядку у моего виска.

Перестать улыбаться и обмениваться проказами нас заставила Уля, с хмурой задумчивостью пробормотав:

– Все-таки она слишком отличается от других помещений.

Стены, пол и потолок – белоснежные, гладкие, словно из небольших квадратных плиток выполненные. Я даже присела и коснулась нескольких слегка выпуклых квадратиков – и сразу ощутила энергетический ответ в виде искорок, больно кольнувших кончики пальцев. Неприятное ощущение. Чего раньше не случалось ни в каютах, ни столовой.

– Что конкретно мы ищем? – подал голос Толик, обращая внимание мужчин на себя, из-за чего те не заметили «искривший контакт», мой с комнатой.

– Точки активации, как в каютах.

Мы впятером обследовали помещение вдоль и поперек, тыкая куда только можно дотянуться. Мои пальцы нещадно ныли от колючих соприкосновений с поверхностью. Но комната «молчала».

– Тебе нехорошо? – неожиданно прозвучал бархатистый голос Дерека возле моего уха, когда я дула на пальцы после очередного разряда.

– Что? – вздрогнув, обернулась я.

Дернулась от неожиданности и испугалась, вдруг он заметил. Очень тяжело объяснять другим людям, что я нормальная, просто с особенностями. Пару раз меня даже «проклятой» обзывали и предпочитали из-за этой мистической глупости держаться подальше, чтобы «не заразиться». И вот в нынешней обстановке, когда непонятно, неизвестно и страшно, не хотелось бы, чтобы Дерек или кто-то другой счел меня хоть чем-то опасной, не такой, как все остальные.

– Ты вздрогнула? Боишься? – тихо шепнул капитан, поглядывая на Толика, который неосознанно косился на пятно крови, но стоически продолжал водить руками по стене в поиске «волшебной» кнопки.

Я не стала скрывать:

– Да, немного.

Дерек обернулся к Глебу:

– Полагаю, в этом месте поиски стоит признать безуспешными?

– Да, – согласился Глеб, задумчиво оглядывая потолок, – здесь мы вряд ли что найдем. Лучше осмотреть коридор.

Я удивленно приподняла брови, ведь уже решила, что на том и закончим. Находиться здесь становилось все тяжелее.

Дерек поддержал идею Глеба и, подхватив меня под локоток, первой вывел из комнаты. Когда Толик последним вышел в коридор, за ним закрылась дверь, отрезав яркий свет, мы очутились в полутемном коридоре. Я невольно прижалась к Дереку.

– Темно как в танке, – прокомментировал Толик, подходя к нам ближе.

– Ты был в танке? – удивился Дерек.

Толик пожал плечами:

– Не был, но у меня высокий уровень… в компьютерных играх.

Я ухмыльнулась, поражаясь, что у нашего эксперта-уфолога на все есть ответ и свое мнение. Под рассказы о боевых достижениях юного геймера, мы продвигались по полутемному коридору, который нас неприятно удивил. Кроме комнаты, где погиб Игорь, остальные остались запертыми. Хотя дверей мы насчитали очень-очень много.

– Смотрите, кибертвари! – просипел Толик, невольно прижимаясь ко мне сбоку и показывая пальцем вверх.

И правда, под потолком за нами следили несколько небольших паукообразных роботов.

– Вот и хозяева пожаловали, – тихо пробормотал Глеб, задумчиво разглядывая наблюдателей. – А на «наших» этажах этих тварей не видно.

– Значит, нас там не бросили, а уверены, что на тех уровнях ничего крамольного мы не найдем, – прошептала я.

– Что будем делать? – жалобно спросила Уля.

– Идем дальше, – решительно предложил Дерек.

Он сделал пару шагов вглубь коридора, роботы «не возражали» и мы немного осмелели.

– Узнать бы, зачем нас похитили, – пробормотал Толик, отстраняясь от меня и следуя за Сандерсом.

– Ты же у нас эксперт по НЛО, – напомнила я ему, преодолевая страх и шагая дальше.

– Зачем бы ни похитили, мы им нужны живые, – придал нам позитива Глеб.

Но чем дальше мы уходили вглубь этого таинственного коридора, тем больше становилось роботов. Они неприятной живой массой шевелились под потолком, норовя упасть на голову. И даже зная, что они не нападут, хотелось развернуться и убежать отсюда. Но уверенная рука Дерека, удерживающая меня под локоток, не дала опозориться. Ощущала я себя героиней ужастика, которая упрямо лезет туда, где притаился монстр. Будучи зрителем, обычно говоришь этой дуре: «Куда ты лезешь?», а сама в ее же ситуации… То-то и оно.

– Все будет хорошо, – шепнул Дерек.

Я натянуто улыбнулась не столько его самоуверенности, сколько попытке меня успокоить. Он, кажется, взялся меня опекать, как Глеб Улю. Возможно, даже присвоил мне статус своей собственности. С одной стороны, это приятно – почувствовать сильное плечо симпатичного мужчины. С другой – я просто хочу выжить и пока неспособна правильно воспринимать чужие романтичные посылы. Скорее, прагматично считаю Сандерса сильным мужчиной, способным защитить в случае опасности. А разбираться, что превалирует, прагматизм или чувства, буду потом.

Кому-то наша вылазка могла показаться настоящим свиданием, но при всем моем расположении к Дереку я держала его на расстоянии. Снова обострившееся чутье – моя старая добрая интуиция не давала радоваться мужскому вниманию, отвлекала. Но как бы я ни смотрела по сторонам и ни вглядывалась в сумрак бесконечного коридора, ничего подозрительного не увидела. Как и мои спутники. Так несолоно хлебавши, мы вернулись наверх.

Толик слишком быстро взрослел. Еще вчера он наивно верил, что ради нас в космос запустят шаттлы и «Союзы». Сегодня, узнав о необычной смерти Игоря и испытывая страх перед неизвестностью и тварями, был собранным и готовым к неприятностям. Даже не постеснялся признаться, что на том загадочном этаже его мучило гнетущее напряжение, будто кто-то под кожей шевелился. А стоило нам уйти оттуда, сразу стало легче.

– Что-то мы упускаем из виду, то, что скрывает та комната, – передернула я плечами.

– Может, выставим возле нее охрану? – тихо предложила Уля, заглядывая в глаза Глебу.

– Нет, – он сразу отверг ее предложение, – охранять будем жилой этаж. А днем выставлять караульных на лестничных пролетах, чтобы в случае опасности успеть предупредить остальных. Жаль, средств связи у нас нет, придется по старинке отправлять гонца и громко кричать в случае нападения.

Во время ужина в нашей компании все сначала вели себя довольно сдержанно. Дерек пытался ухаживать за мной, как в ресторане, но… видимо, неприятная на вид каша тому не способствовала. Зато я улыбалась, слушая его забавные рассказы о различных случаях у него на работе. Кроули тоже поучаствовал. Общими усилиями к концу ужина улыбались уже все.

Затем Глеб и Дерек проводили нас с подругой до каюты. Ульяна, моя скромная девочка, неожиданно предложила сыграть в карты, которые всегда брала с собой в любую поездку. Мужчины согласились, улыбаясь в предвкушении. Я же мысленно закатила глаза. Они просто не знали, с кем связались. Уля ведь не просто финансовый аналитик, она всегда просчитывала ходы всех игроков, поэтому я с ней играла так, забавы ради, а выиграть у нее надо постараться. Но об этом самоуверенные мужчины еще не знали.

Слаженными усилиями мы с Улькой не раз обставили их, что значительно подняло настроение. Причем, всем четверым! И пока мы с подругой наслаждались игрой и победой, Глеб, коварный мужчина, нагло соблазнял ее. То невзначай бедро погладит, то за прядку челки дернет, то поиграет тонкими пальчиками, заставляя девушку краснеть от смущения. Было так весело и приятно смотреть за этими играми. Все, попалась Улька, Глеб ее из загребущих

лап не выпустит. Тем более они друг друга сразу приметили, можно сказать, их сама судьба свела. Дерек тоже оказывал мне знаки внимания. Но я старательно сводила его поползновения к приятной беседе, подначивала безобидными шутками и не стреляла глазками.

Сыграв несколько партий, Смирнов скомандовал «Отбой». Им с Дереком еще ночью дежурить! Зато нам засыпалось спокойнее, ведь нас будут охранять лучшие и храбрые мужчины. Но, к сожалению, меня опять накрыло тяжелым сном. Темная масса засасывала меня в воронку, я барахталась, пыталась выбраться, кричала, звала на помощь, но ничего не получалось. Я проснулась от собственного крика и резко села, прижимая руки к груди. Страх сжимал сердце. Да что же такое происходит? Почему меня преследуют кошмары, тогда как Уля вон сладко себе посапывает. Наверное, кричала я во сне, а не наяву, раз она не проснулась.

Потерев руками лицо, я легла. Если так пойдет дальше, я скоро превращусь в зомби от недосыпа, и Дерек прекратит флиртовать с такой «красоткой». Я улыбнулась, вспоминая, как мялся капитан в дверях, искоса глядя на миловавшихся Глеба и Ульяну. Глеб совсем осмелел и поцеловал мою подругу так собственнически и властно, что даже у меня коленки ослабли. Но, поймав горящий взгляд Дерека, поняла, что и он ждет того же самого, качнула головой, взглядом говоря, что слишком рано. Неожиданно оказалось приятно, что этот мужчина спокойно принял мое решение подождать: подмигнул, широко и обаятельно улыбнувшись.

С мыслями о капитане Сандерсе я и уснула. К своему стыду, во сне мы с ним целовались, как студенты, жарко, страстно и слишком волнительно. Проснувшись утром от того, что Уля трясла меня за плечо, звала завтракать, пугая, что все съедят, я даже смутилась, что она застала меня за непотребством. Но, проснувшись окончательно, глухо застонала, зарываясь с головой под одеяло: вот что делается с голодной до секса женщиной. Всякие пошлости снятся! Это все Глеб с Улькой виноваты – нечего смущать приличных людей своими поцелуйчиками.

В общем, утро у меня не задалось. Очень не хватало привычного душа, чтобы остудить щеки, да и всю себя целиком. Как только мы с Улей вышли в коридор, услышали далекий крик с нижних уровней. Обменявшись тревожными взглядами, обе, не сговариваясь, рванули к лестнице.

Вскоре выяснилось, что Толик решил потренировать свою смелость и выдержку: спустился на этаж к той злополучной комнате – и совершенно неожиданно обнаружил очередной труп… И вновь почти дежавю. Вцепившись в локоть Дерека, я таращилась из-за его плеча на то, как доктор с усилием переворачивает скрюченного в немыслимой позе мертвеца на спину. Казалось, каждую его мышцу кто-то жестокий сжал-стиснул-скрутил до предела. Погиб Майерс, продюсер музыкантов с суперджета. Мы поняли это не сразу, только по одежде. Волосы торчали в стороны, лицо искажено в муке, глаза багровые от лопнувших сосудов, кожа во многих местах в багровых пятнах. И кровь не текла, а давно свернулась. И никаких следов убийцы!

Ульяна пряталась за плечом Глеба, я встала за Дереком, словно это могло спасти нас от смертельной опасности. Толик, забившись в угол, прижав колени к груди, затравленным зверьком смотрел на всех исподлобья. В дверях скапливалось все больше и больше переполошенного народа. Новость о новой жертве распространялась со скоростью лесного пожара в сухую погоду. Замять дело, выдав его за несчастный случай, уже наверняка не получится.

В злополучную комнату ввалился Рашкер, солист рок-группы, его длинные волнистые волосы выглядели спутанной, неопрятной массой. Судя по размазанному макияжу и запаху немытого тела, он «по прибытии» не принимал душ. Перегаром от него несло, как с глубокого похмелья.

– Это точно не сердечный приступ! – на английском выкрикнул солист музыкальной группе, толпившейся за ним.

Слушать доводы Дерека и Глеба никто из них не собирался.

– Вы! Вы же знаете, кто это сделал! Я прав? Знаете и молчите! Вчера я видел, как вы мертвого мужчину отсюда же несли! Кто это сделал? Отвечайте! – все громче истерил Рашкер, и прибывавшая толпа возмущенным гулом поддерживала его.

– Мы не знаем кто, – строго ответил Глеб. – И пытаемся выяснить. Сейчас необходимо опросить постовых на спальном этаже, кто выходил первым, когда вернулся, с кем ходил…

– Мы ничего не видели, – отчитался Роман, который дежурил одним из первых.

– Сначала надо выяснить, когда произошла трагедия, – сухо добавил Глеб.

– Часа два назад, может, больше, – констатировал доктор Штольман. – Я ведь говорил, что не патологоанатом и не могу определить время смерти и точную причину. Тем более у меня нет никаких инструментов, даже минимального набора.

– Мы понимаем, но вы же хирург?! – рыкнул Кроули.

– Господи, вы только посмотрите на тело! Его же скрутило от судорог! – эмоционально высказался доктор, отходя от трупа.

У него явно сдавали нервы, как, впрочем, у всех нас.

– М-мне кажется, пришельцы начали ставить над нами экс-эксперименты! – выдвинул свою идею Толик, не вылезая из угла.

Уж лучше бы вообще не открывал рот. Все на него тяжело посмотрели. Парень замолчал, спрятавшись за поднятыми скрещенными руками, беспомощно выставив острые детские локти. Пришлось усилием воли отстраниться от Дерека и, обойдя труп, сесть рядом с парнем и обнять его почти каменные от напряжения плечи.

– Возможно, Толик прав, а возможно, среди нас объявился маньяк, – «осчастливил» нас очередной идеей Роман, нервно потирая шею, не отводя взгляда от трупа.

– Надо что-то с этим делать… – пробормотал Дерек.

Майкл Кроули кивнул.

– Лучше не распространяться о маньяках и о том, что пришельцы решили ставить на нас опыты. Вы понимаете, какая паника начнется? – опять настаивал Кроули, но, поймав ироничный взгляд Глеба, осознал, что поздно уже «не распространяться».

Я думала, что догадалась, чего старались избежать наши главные, но оказалось – нет. Примерно час мы обсуждали смерть музыканта с теми, кто не хотел расходиться и пытался утолить любопытство. Здравых идей ни у кого не было. Но ведь что-то надо будет делать! Второй труп – это много. Жаль, среди нас не нашлось ни одного полицейского, человека сведущего в расследованиях и криминалистике, который мог бы помочь в такой ситуации.

Я видела отчаянье и страх на лицах людей, чувствовала кожей, сама была близка к истерике. Очень хотелось сбежать из страшной комнаты, которая обжигала током от любого касания. Может, сюда вообще нельзя соваться? Но это были лишь цветочки. На волне слухов о трагедии на Площади Советов началась вакханалия. Сначала раздался жуткий грохот…

– Это музыка? – пролепетал Толик в недоумении.

– Барабаны! – рыкнул Дерек, прислушиваясь.

Грохот усиливался, зато толпа у дверей быстро редела.

– Они что – установку музыкальную собрали и решили концерт дать? – ошарашенно произнес Штольман, а потом испуганно посмотрел на окружающих: – Мы же так привлечем к себе внимание всех тварей, что еще, возможно, не знают о нашем существовании… Им что – мало трупов?

Дальше мы услышали визг и крики отчаянья. Вскоре я с сотней человек устремилась бегом наверх, предполагая наихудшее – нападение пришельцев. И грохот барабанов – это предупреждение людям об опасности.

Честно, уж лучше бы это были именно они – пришельцы. Но люди порой самые лютые враги себе же. На площадке творилось побоище. Часть музыкантов, видимо, прихватив алкоголь со своего самолета, похоже, еще и смешав его с чем-то более ядреным, устроили «творческое мероприятие». Подключив к портативной акустической системе электроинструменты, гитаристы отрывались от всей души в компании с барабанщиком. А рядом кто-то не поделил алкоголь, некоторые – женщин.

Дерек и Майкл тут же поспешили разнять дерущихся. Но где-то громко завизжала женщина, и уже Глеб и, что удивило, Рашкер, метнулись туда. Мы за

ними. Я в ужасе прижалась к Уле, когда увидела, что какой-то козел пытался изнасиловать женщину прямо в коридоре у стены, у всех на глазах, никого не стесняясь. Вместе с солистом музыкантов Глеб оттащил невменяемого от алкоголя и безнаказанности урода в сторону и съездил ему по морде. И стал в наших глазах еще большим героем. Мы с подругой помогли подняться пострадавшей женщине и увели ее подальше от свалки, пока наши мужчины наводили порядок.

А мы ведь здесь всего третий день. Что же будет с нами дальше?

Глава 4

Душа улья

Страх хлестко ударил по нервам, вырывая меня из сна. Резко открыв глаза, я рвано выдохнула: никого, темно и тихо, сама на матрасе лежу, нервно сжимая одеяло. Еще несколько мгновений вглядывалась в окружающий сумрак, всем телом ощущая, как колотится сердце где-то в горле и ушах, а руки покрылись гусиной кожей. Зловещая тишина пыталась обмануть ложным ощущением покоя и безмятежности. Но ведь что-то выдернуло меня из очередного кошмара? А интуиция нашептывала приближение беды. Я верила ей, ведь предчувствие плохого всегда срабатывало.

Повернув голову, я с трудом разглядела Ульку, которая, уютно подложив ладошки под щеку, сладко сопела, улыбаясь во сне. Я тоже невольно улыбнулась: пришла, значит, не осталась у героя своих грез на ночь. Смешная. За пять дней всем и каждому было ясно, что между Глебом и Ульяной – любовь! Они и не скрывали. Но верная подруга упрямо ночевала со мной, словно стеснялась своего счастья в это жуткое время и не могла оставить меня в одиночестве. С одной стороны, мне приятна Улькина поддержка, с другой – неудобно, ведь она разрывается между мной и Глебом.

А еще – мне страшно! За пять суток на корабле пришельцев произошли уже три жутких убийства! Сначала Игорь погиб, все надеялись, что это случайность. Следующий – Майерс, гибель которого чуть не спровоцировала анархию и психоз. Вчера нашли третий труп – Тидверстона, молодого мужчины, студента из

Норвегии, который путешествовал по миру, а оказался на злополучном самолете, похищенном НЛО. Его смерть, помимо привычного страха, добавила нам тоскливой, серой обреченности. Теперь обездоленные люди походили на натянутые струны, тронь – порвутся или отдача замучает. Если бы не эти непонятные смерти каждую ночь, я бы сама уговорила Ульку не теряться и проводить время с Глебом.

Но мы пока не выяснили, кто и как убивает людей в той самой белой зловещей комнате. Даже выставленные сторожевые посты не помогали, будущие жертвы каким-то образом умудрялись пройти мимо часовых незамеченными. И главное – не поднимали шума, не кричали и не звали на помощь. Почему? Неизвестно!

Пытаясь успокоиться, привычно потерла лицо ладонями, упираясь затылком в подушку, и вдруг услышала какой-то неясный шорох у дверей. Резко приподнявшись на локтях, я поняла, что меня разбудило. Дверь каюты, которая отъезжала в сторону, только если встать перед ней, была открытой!

Пульс, сбившись, резко ускорился. Страх сковал внутренности. Ни разу в жизни я не чувствовала себя настолько уязвимой, как сейчас, глядя на темный дверной проем. Кожей ощущала ледяной поток – сквозняк, вызвавший у меня безотчетный, суеверный ужас. Кто открыл дверь? Зачем?

Я нервно сглотнула. Совершенно забыв, что не дома в собственной кровати, над которой висит бра, привычно подтянулась к изголовью включить свет. Даже руку подняла и пошарила по стене, но в этот самый миг почувствовала чужое касание. Что-то мерзкое, холодное и шершавое прошлось по моему запястью. Испуганно отдернув руку, я обернулась – а следом мне в лицо чем-то прыснули, вынудив пискнуть от неожиданности и машинально вдохнуть какую-то гадость. В горле запершило. Заполошно схватившись за шею, кашлянув, я, наконец, увидела на стене черных тварей. Буквально в полуметре, так близко, что от ужаса перехватывало дыхание. На их черных полированных спинках не было ни одного глаза, но я всем своим существом ощущала их общий внимательный взгляд. Оценивающий, изучающий…

Хотела позвать, разбудить Улю, но выдавила лишь придушенный сип, попыталась снова, хватаясь за шею, но тщетно. Что со мной? Тело на голом инстинкте самосохранения отползало прочь от стены, а взгляд следил за надвигающимися черными тварями. Я упрямо пыталась издать хоть какой-то звук. Похоже, мне в лицо прыснули чем-то таким, от чего я онемела. Зачем? Для

чего? И главное – что делать? Ведь даже подушки нет, чтобы кинуть в Ульку… ничего нет, чем можно поднять шум.

Надо позвать на помощь… там, на площадке у лестницы, сторожевой пост, надо позвать, надо привлечь внимание! Я в пижаме – длинных штанах и футболке с коротким рукавом из тонкой нежной голубой ткани – вскочила с постели и бросилась к дверям. Но у проема спохватилась: Уля, а вдруг ей чем-то навредят? Я кинулась было к ней, чтобы разбудить, ведь голоса нет, но словно на стену напоролась – между нами встал робот и угрожающе приподнял лапки, вынуждая пятиться к дверям. За ним еще один и еще. Я жалобно смотрела на подругу, которую почему-то никто не трогал. Твари аккуратно обходили ее, не тревожа. Я вдруг осознала, что они пришли именно за мной. Уля им не нужна. С ней точно будет все хорошо, а вот со мной?..

Я рванула в коридор, надеясь на патрульных. Но споткнулась о робота, метнувшегося мне под ноги, и больно растянулась на полу. В ужасе озираясь на окруживших монстров, решила: ну вот и все, мне конец. С трудом поднялась на ноги, замерла, зябко обхватив плечи, вгляделась в сумрак коридора и судорожно хлебнула воздуха. Пространство вокруг заполонили черные твари. Голые стопы холодил пол, а страх – душу. В той самой обманчиво безмятежной тишине слышалось лишь мое рваное испуганное дыхание и шорох сотен лапок роботов-пауков.

Я шагнула в устроенный ими проход-тропинку, выбора все равно нет, но с диким отчаянием еще надеялась: кто-то увидит, придет на помощь, или хотя бы поднимет тревогу. Ведь дальше лестница и сторожевой пост… но добраться до него мне не позволили, стали теснить к стене. Я даже не сразу сообразила, что очередной шаг сделала в сумрачное нутро лифта! А его двери с едва слышным шелестом сомкнулись, отрезая меня от людей, от жилого отсека, оставляя наедине с молчаливыми роботами. Меня трясло от страха с такой силой, что едва не рухнула на пол, но нельзя, ведь свободное пространство кабины заняли пауки, чернильными пятнами разбавляя серый мрак.

Когда меня заставили выйти из лифта, я уже почти не сомневалась, где окажусь. Остался лишь вопрос: зачем? И не ошиблась! Знакомый темный коридор и двери в бездну, затопленную слепяще ярким светом, – ту самую комнату, сплошь покрытую белоснежной плиткой. На пороге я застопорилась, паника и ужас накрыли с головой: никто не придет! Не спасет! Ведь уже трое людей здесь погибли и наверняка, как и я, до последнего вздоха надеялись на чудо. Но оно

не случилось! Не для них! И не для меня!

Зажмурилась. Меня мягко втолкнули внутрь, вынудили сделать последние робкие шаги к своей смерти.

Когда двери белоснежной ловушки захлопнулись за мной, я уже вовсю рыдала, прижимая руки к груди. Ноги щекотали разряды тока, словно я стояла на горячих углях. Секунды текли, но ничего не происходило. Приоткрыв глаза, сначала робко осмотрелась, потом распахнула их от удивления. Посередине комнаты возник экран, кажется, голограмма. А на нем словно телепередача «Удивительная природа Земли» шла. Мне зачем-то показывали пейзажи родной планеты…

Ой, это же Долина гейзеров на Камчатке. Когда-то я смотрела фильм о ней и мечтала там побывать. А это Ниагарский водопад, куда мы с Улей записались на экскурсию. И Долина Смерти в Калифорнии, где мы успели побывать. Такие знакомые мелькающие кадры, я даже подошла ближе, встала рядом с экраном в самом центре комнаты. Душа тянулась на родину, на родную планету, и я потеряла бдительность, расклеилась. Только потом поняла, что меня банально, как ребенка, отвлекли, чтобы попала в хитро расставленные силки.

Я лишь вздрогнула, чуть присев от неожиданности и совершенно растерявшись, когда стены, потолок, пол в абсолютной тишине под мерцание калейдоскопа картинок Земли сдвинулись с места. Белые квадратные плитки выдвигались, меняли строй и рисунок поверхностей, создавая новые, пока еще неизвестного назначения. Казалось, это полки, ящики, столы… Я безмолвно вскрикнула, забившись пойманной мухой, когда мою голову неожиданно обхватила стальная лапа. Спина, плечи, поясница и даже ступни тоже оказались в захвате других лап. Будто меня схватил робот-паук, только огромных размеров.

Мою голову стиснули, едва ощутимый ультразвук царапнул слух, вызвав зубовный скрежет, а дальше я орала от боли и ужаса, потому что кто-то или что-то проникло мне в ухо. Мозг словно пытались взорвать изнутри, сложно передать словами тот слепящий свет, который исходил отовсюду. А еще энергия… Если раньше она лишь окружала, больно жалила меня электрическими импульсами или волнами чужих негативных эмоций, то теперь распирала изнутри. Я стала раздувшимся шариком – того и гляди разорвет от избытка воздуха. Затем в кошмарный слепящий хаос в голове ворвались слова… или мысли, не мои, чужие. Сначала они шептали, но чем дольше я боролась,

выставляя незримые барьеры, тем громче и настойчивее они говорили, а вскоре закричали на грани ультразвука.

– Я слышу… слышу, умоляю, замолчите… – с мольбой прохрипела я.

Крики резко оборвались. Краем сознания я уловила чей-то механический, не живой голос, точнее, затихающий шепот:

– Реципиент подключен. Связь установлена. Завершаю процесс активации…

* * *

Открыв глаза, не сразу поняла, где я и что со мной, ведь вокруг темно и ни единого звука, еще и замкнутое, очень узкое пространство, будто в коробку уложили. Я ослепла?.. Умерла? Меня похоронили? Паника поднялась неудержимой волной, сердце оглушительно колотилось где-то в горле и ушах, а тело забилось в попытке выбраться из… гроба? В следующий момент темноту взорвал яркий свет. На несколько мгновений зажмурилась, потом, щурясь, привыкала к освещению, довольно мягкому, как выяснилось. Осмотрелась и перепугалась еще больше: я находилась в какой-то капсуле, белоснежной, гладкой до зеркального блеска, в которой отражалось мое испуганное лицо. А память послушно подкинула кадры недавних событий.

– Выпустите меня! – заорала я, захлебываясь слезами и воздухом, истерично колотя ладонями по крышке над собой.

– Это приказ? – раздался сразу и отовсюду странный голос, он же потом пояснил: – Процесс восстановления организма еще не завершен. Имеются повреждения клеток мозга, вызванные установлением симбиотической связи. Имеются повреждения генетического кода. Имеются повреждения органов и тканей, вызванные негативным воздействием окружающей среды, стрессом и…

– Кто ты? – просипела я ошарашенно, судорожно осматриваясь в капсуле в поисках микрофона или хоть маленькой щелочки, лишь бы увидеть незримого собеседника.

– Я интеллектуальная система управления и контроля. Хранитель души и улья…

Благодаря диалогу с каким-то хранителем волна паники спала, оставляя за собой опустошение, озноб и мерзкую дрожь каждой клеточки моего тела. Рваный вдох и облегченный выдох, глядя на собственное отражение: живая и нормальная, без кровоподтеков, мозг мне не вынесли, вернее, не сожгли, как другим трем погибшим. Я смотрела на себя с зеркальной поверхности большими от страха глазами, голубыми, без багровых белков. На бледном, без повреждений лице отметила отпечаток пережитого ужаса. Да и мои кудри топорщились во все стороны пушистой шапкой.

Несколько секунд подумав над чужим ответом, я сипло и очень осторожно уточнила:

– Система? Это типа мегамозг корабля пришельцев?

– Да. Если Душа пожелает, в ее временной отрезок я буду Мегамозгом.

– Чья душа? – не поняла я.

– Душа улья.

– Улья? – напряглась я.

– Ваша биологическая модель называет его кораблем пришельцев. Изначальные назвали его ульем, то есть созидающим жизнь.

– Биологическая модель? – Моя бедная головушка еще не оправилась от… непонятно чего, случившегося со мной здесь, мысли словно в желе вязли.

– Люди, как вы себя называете. Земляне, – голос был монотонным, безэмоциональным, в сущности, механическим, но приятного тембра.

– Значит, кроме тебя в этом… улье есть кто-то еще? Какая-то душа? – уточнила я осторожно, подсознательно отмечая, что, лежа в капсуле, вела беседы, похоже, сама с собой.

«Может, я сошла с ума?» – спросила я у себя.

– В данном временном отрезке ты – Душа улья.

– Я? – опешила я.

– Ты, – добил мои и так разорванные в клочья нервы чересчур спокойный голос.

– Почему именно я? Душа?

– Регламентом изначальных остановка улья для забора биоматериала строго ограничена по времени. При сканировании поверхности планеты были выявлены четыре биологические единицы, по энергетическим вибрациям подходящие для установления симбиотической связи. Особи обнаружены в воздушных слоях атмосферы в двух примитивных летательных аппаратах, способных при поддержке эвакуационного телепорта выдержать транспортировку в улей. Забор биоматериала произведен успешно и в отведенные регламентом сроки.

Энергетические вибрации? Четыре особи? У меня в голове будто сверхновая взорвалась от понимания. Так, значит, оба самолета пришельцы украли из-за нас? Ведь видела же, что Игорь, как и я, искрит при работе с техникой. А Майерс, продюсер музыкантов, по словам Дерека, в перчатках ходил постоянно, помощницу завел, чтобы телефонную трубку держала и работала на ноутбуке. Третьего погибшего я видела пару раз и не была знакома, но думаю, «вибрации» у нас, как и проблема, схожие.

– Выходит, Игорь, Майерс и Тидвертсон погибли из-за тебя? Именно ты им выжег мозги при установлении… как ты там сказал, симбиотической связи? Верно?

– Регламентом изначальных установлено правило: при наличии нескольких биологических единиц, способных стать симбионтом, предпочтение отдается более сильным физически. В связи с этим попытки установить связь были сначала с перечисленными тобой мужскими особями. Все три попытки – неудачные. Мощность энергетических вибраций, силовое поле и восприимчивость претендентов – ниже допустимого. Результат – гибель объектов.

Объектов… Я похолодела, вдруг для меня еще ничего не закончено, а только начинается? Поэтому просипела:

– А я, получается, смогла установить? Выжила?

– Процесс слияния завершен, связь установлена в полном объеме.

– Каким образом? – Я точно скоро с ума сойду от переизбытка запредельной информации и эмоций особенно, потому что каждый ответ Мегамозга вызывал одновременно бездну облегчения и взрыв страха. – Ты меня в робота превратил?

– Душа не может быть механизмом, это запрещено регламентом изначальных. В мозг симбионта внедряется биоимплант, который позволяет системе считывать энергетические вибрации и установить полноценную связь.

Я толком ничего не поняла, но самое важное осознала: я по-прежнему человек, только мне какую-то штуку без спроса в голову засунули. Печально, но, надеюсь, жить с ней можно.

– Мы разговариваем на русском, вы его благодаря мне узнали? Из моей памяти? – поинтересовалась и облизнула пересохшие губы, дико хотелось пить, но еще больше узнать, что происходит.

– Ваш мозг устроен как биокомпьютер, это позволило скопировать большую часть данных. Так же мною были записаны данные с помощью ретрансляторов на орбите…

– Ты хакнул наши спутники? И скачал данные интернет-сети Земли? – изумилась я.

– Ваши технологии на примитивном, начальном уровне развития и…

– Да поняла я уже! – не сдержала я злости, горечи и желчи. – Поэтому из четырех человек ты смог установить связь, если говорить прямо, тоже примитивную, лишь со мной. Твоя эффективность всего-то двадцать пять процентов. Прямо и не знаю, стоит ли тебя называть Мегамозгом дальше.

– Регламентом изначальных имя интеллектуальной системе управления и контроля не предусмотрено. Его наличие или отсутствие на усмотрение Души улья.

Лежу в белом гробу, еще бы тапочки белые надели. Беседую со своим отражением. Эмоции зашкаливают, вон жажда отомстить программе компьютерной уже кипит внутри. А ведь там Улька в каюте одна осталась и другие люди, они-то ни в чем не виноваты. Только тем, что оказались в одном самолете с «подходящими биологическими единицами». Тьфу! Я толком ничего не узнала, а время идет. Затолкав злость на несправедливость и обиды на Мегамозг подальше, я пару раз глубоко вдохнула-выдохнула и, наконец, продолжила более спокойно:

– Поясни мне, пожалуйста, доступными понятиями и категориями некоторые моменты. Что это за корабль… точнее улей? Для чего он создан? И главное – кем? Зачем нас похитили с Земли? Зачем тебе Душа?

– Отвечать на вопросы именно в таком порядке? – уточнили у меня.

– Да, пожалуйста.

– Улей создан изначальными…

– А кто они, эти изначальные. Как выглядят?

– Они не похожи на вас. Совсем. Не гуманоидные. Не имеющие аналогов и привычной в вашем понимании постоянной материальной оболочки.

– Ясно. Если это возможно, очень прошу давать пояснения с учетом нашего примитивного уровня развития, – не без ехидства попросила я.

– Приказ Души принят к исполнению, – сообщил Мегамозг. – Улей создан изначальными как передвижная матрица для создания совершенной формы путем моделирования сложных биологических систем. Возможно и моделирование различных условий жизнедеятельности отдельных, биологически сложнейших особей, популяций или экосистем…

Да… этак он мне действительно мозг вынесет, пришлось жалобно оборвать монотонный ликбез:

– Еще проще, пожалуйста.

Несколько секунд молчания сопровождались странным шумом у меня в голове, словно там кто-то ковырялся.

– Улей – это лаборатория для создания биологического разнообразия как отдельных форм жизни, так и полноценных экосистем.

– И что с ними дальше делают? – мой голос снова осип, а ведь Толик оказался прав, нас украли для опытов.

– В случае если созданная биологическая модель или экосистема становится устойчивой и жизнеспособной, при достижении третьего поколения этой формой жизни будет заселена подходящая для жизнедеятельности планета.

– То есть если мы выживем и дадим потомство, наши внуки окажутся выселенными на подходящей для жизни планете? – надрывно прошептала я, боясь узнать, что же с нами будет, с использованным материалом.

– Не внуки, а вся ваша биологическая модель будет доставлена на подходящую планету, – сухо и лаконично, чего еще от компьютера ожидать.

– А на Землю нам можно вернуться? Или хотя бы нашим детям, или внукам? – Надежда еще тлела махоньким угольком на дне души.

Но и ее потушили, будто залили ведром ледяной воды:

– Нет. Улей двигается только в одном направлении. Остановки возможны для пополнения биоматериала. Время остановок строго регламентировано. Изменения – невозможны. Законы изначальных – неизменны.

– Как можно встретиться с представителями изначальных, чтобы обсудить ситуацию и возможность возвращения на Землю? – спросив, я даже дыхание затаила.

– Никак, – сообщил Мегамозг, но что удивительно, когда он продолжил, я услышала в механическом голосе капелюшечку человеческих эмоций. Может, мне показалось, но неужели компьютер способен грустить или сожалеть? – Матрица улья автономна и защищена, срок действия не ограничен.

– И когда на борт… улья последний раз ступала нога изначального? – спросила я.

– Изначальные не имеют аналогов конечностей вашей биологической модели. Последние изменения в базу моей системы были внесены…

– По земному времени, пожалуйста, – быстро вмешалась я.

– Двенадцать миллионов двести сорок три тысячи средних суток назад с учетом изменения временных и физических параметров Земли и…

– Сколько?! – воскликнула я и, судорожно вычислив годы, просипела: – Так они свою лабораторию уже больше трехсот тысяч лет не посещали? Забыли? Или давным-давно померли, а ты тут летаешь и народ воруешь!?

– Я интеллектуальная система управления и контроля. Хранитель души и улья…

– Да-да, ты уже говорил, – оборвала я поток известных фактов. – А я, значит, теперь Душа улья. И раз ты хранитель души, то обязан меня охранять?

– Да. Поддержание жизнедеятельности души входит в регламент моей системы.

– Поэтому ты помог нам найти каюты и пищеблок? И поэтому еда и вода там оказались для нас безопасными? – уточнила, уже зная ответ, так, на всякий случай.

– Да.

Значит, шансы на выживание у нас приличные, что не может не радовать. Жить после пережитого ужаса хотелось еще сильнее.

– Какие функции у души? И зачем улью душа, если есть ты – Мегамозг или суперинтеллектуальная система управления и контроля?

– Для создания совершенной биологической формы жизни необходимо участие двух моделей: рациональной и эмоциональной. Я – гарант многообразия генетически форм; душа – гарант разнообразия ментальных, поведенческих, психологических. Чтобы исключить унификацию, клонирование и однообразие

биологических форм, вызывающих снижение показателей развития и деградацию индивидуумов, что ведет к последующей утилизации последних.

– Утилизация – это как мусор, который выкидывается за борт?

– Утилизация производится более развитыми формами жизни естественным путем.

– То есть: ты – мозги, а я – эмоции и чувства? – проясняла для себя важное.

– Да. Только взвешенный и всесторонний подход к управлению ульем позволит созидать совершенные биологические особи и выполнять поставленные перед ним задачи изначальных.

– А если я умру? Что будет, если душа улья погибнет по разным причинам?

– Улей деактивируется на время поиска новой души.

– Ты убиваешь все живое на нем?

– Я интеллектуальная система управления и контроля. Хранитель Души и улья. В мою систему внесен категоричный запрет на утилизацию живых особей. Даже для сохранения жизни души я не имею права утилизировать живой биоматериал. Поэтому, в случае гибели души, улей деактивируется, все живое отправляется в анабиоз.

– То есть прямо сейчас, помимо нас, людей, по кораблю шляется кто-то еще? Другой вид?

– Нет, никто не шляется.

Я испытала огромное облегчение. Хорошо, что мы одни здесь, в этой лаборатории Франкенштейна.

– И все же, можно подробнее о моих функциях?

– Душа способствует совмещению различных ментальностей, скрещиванию максимально совместимых генетических форм, созданию социальных групп и такому понятию как дружба, милосердие и взаимопомощь. Благодаря душе в улье повышается уровень выживаемости большинства совместимых с ней групп. Согласно законам изначальных, душа имеет право влиять на мои решения и действия, отдавать приказы для своей защиты и пополнения собственных баз данных.

– Твои создатели считали, что исключительно математическим и рациональным путем идеальную форму жизни не создать? Необходима душа и эмоции, чтобы привить им любовь к себе подобным, да и к другим видам? Я верно поняла?

– Верно.

– Понятно-о… то есть я теперь бессмертный пони, без выходных, больничных и отпусков…

– Нет, полная физическая трансформация невозможна без потери функционала души. В твою биологическую форму можно внести лишь частичные изменения. Изменить возраст, пол, цвет…

– Подожди! Ты можешь изменить возраст? – удивилась я, а потом напомнила: – Я прошу тебя разговаривать со мной… примитивным, но человеческим языком. А не как машина. Я тебя очень-очень об этом прошу. Если надо, то и требую.

– Принято к исполнению. Да, технологии улья позволяют поддерживать любую продолжительность жизни. До бесконечности. Как и состояние тела. На данный момент я исправил твой генетический код, убрав все поломки в нем. И обновил твою клеточную модель.

– О-о-о… вечная молодость и бессмертие стали реальностью? – у меня вновь осип голос.

– Да. Будут указания по изменению или улучшению твоей базовой биологической модели? – словно змей-искуситель спросил Мегамозг.

Я уставилась на свое отражение, разглядывая изменения, но в мыслях неожиданно появилась четкая, словно видео, картинка, где я в полный рост и голая.

– Это ты? Ты мне картинку меня же показываешь? – ошарашенно выпалила я.

– Да. Между нами создана полноценная симбиотическая связь. Теперь мы две половины одного целого – улья. Где я – мозги и логика, ты – эмоции и чувства. Я исполнитель, ты…

– Королева? Королева улья? – нервно хихикнула я. Ну а какие еще у меня могли возникнуть ассоциации со словом «улей»? Только с пчелами.

– Можно сказать и так, – согласился Мегамозг, неожиданно подражая мне, усмехнулся, а затем продолжил так же сухо, механически: – Это твоя проекция. Необходимо внесение изменений?

– А это больно? – уточнила я.

– На время коррекции я погружу тебя в сон.

Не знаю, что на меня нашло. Наверное, устала бояться, устала нервничать или была под влиянием чужого разума, но страх ушел полностью. Я даже без особенных сомнений и опасений решилась на эксперимент:

– Хорошо, давай сначала изменим меня визуально, а потом, если понравится, и физически. Хочу волосы сделать идеально гладкими, надоели кудри. И чтобы красиво блестели. И реснички подлиннее и погуще… – На мысленной картинке тут же внесли изменения и я, полюбовавшись собой, продолжила: – Давай тогда и грудь на размер увеличим и приподнимем, чтобы упругой и шикарной выглядела. Да-да, отлично. И кожа пусть будет посветлее, такой благородно-белой, чистой, упругой и… вот, все, вот так. И мышечный тонус немного усилим, чтоб я подтянутой везде была. Если можно, давай везде, кроме головы, удалим волосы. Все. Идеально, начинай изменения.

Проснулась я так же внезапно, как и отключилась. В том же «гробу». Первым делом скосила глаза вниз, голубая тонкая ткань пижамы не скрывала, а

наоборот, подчеркивала упруго торчащую грудь. Ну даже если и огребу неприятностей из-за повышенного мужского внимания, разве дополнительная красота женщину отпугнет?

– Мегамозг, выпускай меня отсюда.

– Будет исполнено, Душа.

Хотелось повыпендриваться, чтобы обращался «моя королева», раз уж я реальная королева улья, но просто хихикнула своим забавным поползновениям, пока меня возвращали в вертикальное положение. Затем крышка отъехала в сторону, а я поежилась от холода.

– Мегамозг, можно температуру везде двадцать градусов сделать? А то не у всех наших есть теплая одежда, замучились уже в пледы кутаться. И еще, пусть свет везде будет ярче, а то бродим тут в потемках.

– Будет исполнено, Душа, – тут же последовал лаконичный ответ.

– Мегамозг, получается это медицинская комната? Если кого-то ранят, заболеет, нам нести его сюда? – уточнила важный момент, наблюдая, как все поверхности снова задвигались, возвращая помещению исходный вид пустой коробки.

– Верно, Душа.

Теперь кошмарная комната, в которую еще вчера, после гибели третьего человека, даже заходить было жутко, невольно превратилась для меня в обычный кабинет для медосмотра. Правда, с крайне важным именно сейчас функционалом.

– У нас есть пострадавшие. – «При похищении» говорить не стала, нет смысла укорять интеллектуальную систему за потери, если Душа здесь я, болеть душа за улей должна у меня. – Ты тут не убирайся пока, чуть позже принесем раненых, окажешь им помощь. Хотя, полагаю, надо всем похищенным поправить здоровье. И омолодить пожилых, раз это возможно.

– Принимаю приказ к исполнению, – привычно отозвался Мегамозг.

В этой совершенно пустой комнате я еще задержалась. Нервно гладила свои непривычно шелковистые локоны, чувствуя в душе усталость, моральное опустошение от пережитого ужаса. Осваивалась с новыми знаниями о пришельцах и пугающей мыслью о всевластии. Я ощущала себя измененной не только внешне, но и внутренне. Особенно беспокоило присутствие чужого сознания в голове, это ощущение не проходило. Но пол больше не щекотал голые пятки током, еще я четко знала, что и где расположено в этой комнате, пусть и скрытое за белыми одинаковыми панелями.

Пробуя свои возможности, точнее, выясняя их особенности и нюансы, силой мысли приказала двери открыться. Вдруг да получится стать мастер-ключом для всех закрытых для нас дверей?! Но уже в следующую секунду, когда створки разъехались в стороны, ко мне ворвалось сразу несколько мужчин и Улька. Я легко могла представить, что именно они ожидали увидеть, поэтому поняла, почему все резко замерли, будто на стену напоролись. Среди белоснежного «великолепия» красовалась я, в голубой пижаме, босиком и вся такая обновленно красивая с выпирающими и упругими сись… грудью.

– Ирка? Гладышева?! – удивленно крикнула подруга, словно не узнала сразу. – Ира, ты живая!

Схватившись за сердце, всхлипнув, подруга повисла на мне. Я обнимала ее, успокаивающе похлопывала по спине и с натянутой, извиняющейся улыбкой смотрела на мужчин, которые подозрительно рассматривали меня. Живую!

Вот так вот и встречают героев, совершивших подвиг во благо остальных.

– Все, смертей больше не будет! – торжественно пообещала я, считая, что подарила всем надежду.

– Ты добилась своего и больше не будешь никого убивать? – неожиданно мрачно спросил Кроули.

Я испуганно застыла, пару раз моргнула, глядя на капитана, который сжимал в руке нож. В поисках поддержки огляделась, но все остальные вместе со мной были крайне удивлены обвинением в мой адрес.

– Ты серьезно? – прошептала я, вдруг поняв, как опасно бывает даже среди своих. Среди тех, кто, я думала, поймут и защитят. И тут, словно очнувшись, Улька вскинулась на Кроули:

– С ума сошел? Ты подумал, в чем ее обвинил?

– Как еще понимать ее слова? Она единственная выжила в этой комнате!

Дерек вышел вперед и заслонил меня от коллеги:

– Ее вина в том, что она выжила? Майкл, не глупи. Мы все на нервах, но не кидаться же друг на друга с ножом. Кстати, я не знал, что у тебя есть оружие.

– Оно есть у многих, просто никто этого не афиширует, – оправдывался капитан.

А я переваривала обвинение в убийствах. И от кого? От своих же! Как обидно и больно.

– У меня нет, – пожал плечами Сандерс.

– У меня тоже, – подхватил за ним Глеб, приобняв Улю, отодвигая ее подальше от недовольного Кроули.

Но подруга завелась и бросилась на мою защиту:

– Охранники недоделанные! Сами-то проспали все! А Ирку чуть не убили, чудом жива осталась. А вы-ы…

Майкл неожиданно смутился, вон даже скулы покраснели и взгляд отвел. Он тихо принес мне извинения, и я, конечно же, простила, вот только осадочек недоверия в душе остался.

– Майкл прав, я добилась своего – узнала, кто и зачем убивал в этой комнате. К тому же установила контакт с пришельцами.

Эх, жаль, Толика нет, ему бы точно понравилась моя история.

– Ты выяснила, зачем мы здесь? – Глеб заинтересованно смотрел на меня, при этом успокаивающе поглаживал Ульку по макушке.

Мне кажется, Смирнову и в голову не пришло в чем-то меня обвинять или подозревать. Он жаждал услышать подробности и излучал искреннее облегчение, что со мной все в порядке.

Поймав себя на том, что гораздо легче улавливаю чужие эмоциональные вибрации, с горечью хмыкнула. Кажется, связь с Мегамозгом усилила мои эмпатические способности. Сомнительный бонус, если честно, так как негатива от Майкла я хлебнула с лихвой. Зато Дерек порадовал явно мужским интересом – ему мои преображения понравились – нет-нет да опускал искрящий желанием взгляд на мою обновленную, гордо вздымающуюся грудь.

Дальше, закрыв двери, я мысленно попросила Мегамозг трансформировать комнату, чтобы показать ее возможности и настоящий вид. Особенное внимание уделила медицинской капсуле, поясняя ее функции и предложив опробовать.

Но стоило мне замолчать, Кроули вновь не сдержал терзавшего его негатива, вымораживающим душу, обманчиво спокойным голосом обвинил:

– Именно из-за вас четверых похитили два самолета? И нас всех вместе с вами?

– Поверь, я тоже не в восторге от этой мысли, Майкл! – практически рыкнула я, инстинктивно защищаясь. – Улью нужна была душа. Никого из нас не спрашивали, готовы ли мы рисковать своими жизнями ради кандидата в души или нет. Если ты забыл, то трое до меня погибли страшной смертью, а я подошла – да. Чудом! Я тебе больше скажу, если я умру, вас всех Мегамозг усыпит.

Повисло тяжелое, давящее на психику и сердце молчание. Но уже почти привычно за прошедшие пять суток Глеб решительно вмешался, сменив тему:

– Что ж, тогда нам необходимо разработать план Ириной охраны! Уверен, вы согласитесь, – он бросил на Кроули мрачный, укоризненный взгляд, – причины нашего похищения могут кого-то спровоцировать отомстить именно ей. А на почве ненависти и до убийства недалеко.

– Леди и джентльмены, мне кажется, когда все узнают об этой волшебной капсуле и ее возможностях, – Дерек погладил белую полированную крышку и игриво подмигнул мне, поддерживая и ободряя, – большинство найдет и плюсы в нашем положении. И об Ирине плохо думать не станет. Человек с мозгами сразу поймет, что ее вины в нашем похищении нет и быть не может.

Я решила подсластить пилюлю друзьям:

– Парни, вы хотите жить вечно молодыми и гипотетически бессмертными?

– Конечно хотим! – весело отозвался Дерек.

– Тогда берегите меня как зеницу ока! Ой, забыла, меня еще надо холить и лелеять!

Подруга рассмеялась над моей шуткой, вслед за ней и мужчины словно отмерли, оживились и расслабились.

– Ну и хорошо, будем жить, – прижав Ульяну к себе, философски заметил Глеб.

– Если повезет – вечно, – уже не так мрачно согласился Кроули.

На этой позитивной ноте «совещание» закрыли. Пора было возвращаться на жилой уровень, к остальным.

Глава 5

Мегамозг, куда мы попали?

– Вот все хорошо, вечная молодость, бессмертие, красота неописуемая, но…

– …но в каждую бочку с медом обязательно кто-то добавит ложку дегтя, ты это имеешь в виду? – с полуслова поняла я причину ворчания подруги, пока мы с ней наблюдали, как в тарелках крайне неаппетитной массой набирается серое

месиво.

– Угу, – буркнула Уля, потом, жалобно глянув на меня, спросила: – Слушай, а твоя роботизированная половинка не может наше меню разнообразить?

Уныло глянув в тарелку, я без сомнений мысленно обратилась:

«Мегамозг, возможно ли улучшить вкусовые и внешние качества нашей пищи и напитка?»

«Да, возможно, на основании твоих предпочтений и памяти», – без промедления откликнулся голос в моей голове, но, что удивило, он уже не звучал безлико, механически, в нем появились едва слышные эмоциональные нотки.

«Сделать прием пищи привычным для землян?»

И сейчас мне почудилась в нем снисходительная усмешка. Но, наверное, это просто от недосыпа померещилось.

«Давай», – быстро согласилась я.

– Ой, работает! – воскликнули мы одновременно с Улькой, когда проем пищевого автомата вместе с окружающей его поверхностью стены заметно трансформировался.

Вау! На стене появилось интерактивное меню, где я в полном потрясении просмотрела довольно большой перечень из знакомых или хоть раз опробованных в прошлом блюд. Потыкав пальцами по нужным «кнопкам», вскоре мы чувствовали себя почти в раю.

– Боже, никогда не думала, что картофельную пюрешку с мясной котлетой и салатик из капусты буду воспринимать как манну небесную! – радовалась Ульяна, прикрыв от удовольствия глаза и наслаждаясь едой.

– Ага! Со слезами счастья! – улыбнулась я ей, тоже наслаждаясь вкусом домашней кухни.

– Как мало, оказывается, человеку надо для счастья! – усмехнулся Глеб, слегка постучав вилкой по краю тарелки.

Заняв ближайший столик-гриб, мы впервые за последние шесть дней с удовольствием, а не тупо заполняя желудок питательной смесью, завтракали.

С момента нашего с Мегамозгом слияния, как гордо назвал Толик процесс создания симбиотической связи, прошли ровно сутки. За это время сначала меня чуть не прикончили на общем собрании, где, как и предполагал Глеб, обвинили в причине похищения землян. Про Игоря и двух других погибших благополучно «забыли»: какой спрос с мертвецов?!

Прежде чем я подробно рассказала обо всем, что узнала от Мегамозга, была грандиозная драка. Очень страшная драка. Мне, женщине, было очень не по себе слушать угрозы в свой адрес. Если бы не Мегамозг, который с холодной рассудительностью комментировал мои шансы на выживание, я бы скатилась в истерику. Но присутствие в моем сознании высокоинтеллектуального разума, который бесил неуместной статистикой, помогло справиться с паникой и эмоциями.

Победили мои защитники – набили особо ретивым мстителям морды. Предсказания Мегамозга полностью сбылись: ему бы в лотерею или на ипподромах играть – озолотился бы. После того, как все успокоились, Глеб объявил главную новость, что Душа улья – теперь особо охраняемое лицо! Потому что пока я жива, люди сыты, бодры и, что немаловажно, вечно молоды и гипотетически бессмертны. Последняя новость вызвала ажиотаж и немало новых вопросов у жителей улья. Пришлось мне очень долго объяснять, как работает медицинская капсула. Ожидаемо, вернее, прогнозируемо, к ней началось настоящее паломничество.

Толик восторженно назвал ее капсулой бессмертия, остальные подхватили.

Первыми прошли полную реабилитацию и лечение пострадавшие при похищении, такие как Кристина. Потом настала очередь людей пожилых и с серьезными заболеваниями. Им всем проводилась и процедура омоложения, ведь каждый человек на счету, нас слишком мало.

А вот дальше ко мне потянулся ручеек желающих себя изменить и улучшить, подлавливали в укромных местах и украдкой просили помочь с этим крайне важным делом. Осознав масштаб предстоящей работы, я мысленно выругалась, что теперь дневать и ночевать буду возле капсулы, выполняя все «хотелки» страждущих украситься и омолодиться. На мой в сердцах высказанный вопрос: где взять еще волшебных капсул, Мегамозг немножко флегматично и заунывно сообщил, что весь тот зловещий этаж, который еще вчера мы так осторожно обследовали, словно шли по минному полю, является медицинским уровнем. И капсул там – десятки! В результате все пятьсот с лишним человек обновились и «украсились» за оставшиеся полдня, образно говоря, без лопаты и посадочного материала.

– Кстати, можно составить меню коктейлей или алкогольных напитков, которые я помню, – предложила я подруге, отвлекаясь от неприятных воспоминаний.

– Не стоит пока, Ира! Алкоголя нам сейчас точно не нужно! – остановил Глеб мои порывы, а потом уныло выдохнул: – Я все еще пытаюсь принять, что мои собственные глаза не врут, и пусть синтетические, но это действительно котлета и картошка в тарелке. Но мозг категорически не согласен.

Глеб прошел обновление в капсуле, но ничего кардинально в себе не менял. Ушла седина на висках, да, наверное, лет на пять моложе выглядеть стал. Вот чувствуется, что мужчина самодостаточный и уверенный в себе.

Глядя, с какой кислой миной Глеб ковыряется в своей тарелке, Уля подцепила вилкой кусочек котлетки и протянула ему, посоветовав:

– Вот, обмани свой ум.

Смирнов послушно открыл рот и хитро улыбнулся, покладисто принимая еду из рук подруги. Я залюбовалась этим романтическим моментом, со щенячьей нежностью глядя на милующихся голубков. Насладиться моментом не дал Мегамозг, которому неожиданно понравилось комментировать или оспаривать в моей голове любые заявления окружающих:

«Неверное суждение. Именно мозг обманывает вкусовые рецепторы, заставляя вас есть пищу, жизненно важную для организма».

Ну прямо совсем бесстрастно выдал. Я усмехнулась. С некоторых пор мне вообще все кажется одной сплошной иллюзией. Потому что некоторые пассажиры изменили свою внешность до неузнаваемости, тем самым привнесли в наш быт сюрреализм и абсурд.

Вот Улька, как и я, скромно увеличила себе грудь на размер и прошла очистку организма от всяких «поломок генов» и токсинов. Теперь мы обе стали выглядеть лет на двадцать, а чистая и гладкая кожа сияет. Глаза подруги еще и от счастья сверкают, ведь рядом ее любимый Глебушка. И что-то мне подсказывает, что время хождения вокруг да около у них закончилось. Кто убивал людей, мы выяснили, больше никто не угрожает, так что очень скоро Глеб Ульку присвоит окончательно. Неужели останусь одна-одинешенька?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/okisheva_vera/operaciya-ukrast-dushu

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити